

АННА
САПОЧКИНА

У КАЖДОГО
ЧЕЛОВЕКА
ЕСТЬ СВОЯ
ВЫСОТА.
И ТОТ, КОМУ ТЫ
ДОВЕРЯЕШЬ, ЗНАЕТ
ОТКУДА ТЕБЯ
СТОЛКНУТЬ.

88 ЭТАЖЕЙ ДО БЕЗДНЫ

ИНОГДА
ПАДЕНИЕ
НАЧИНАЕТСЯ
НЕ С ВЫСОТЫ,
А С ДОВЕРИЯ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

18+

Анна Сапочкина

88 этажей до бездны

<https://litres.ru/74570159>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кирилл Смолин имел всё: миллионы, власть и безупречную жизнь на 88 этаже Москва-Сити. Но его мир разбивается вдребезги, когда он просыпается в чужой больнице. Без имени, без документов, с выжженной ядом памятью.

Что делать, если весь мир хором твердит, что ты безумен, но твоя кожа ещё помнит чужие прикосновения? Кирилл принимает правила этой грязной игры. Скрываясь под маской безликого курьера, он начинает охоту на собственного палача. Но в лабиринте чужой, порочной лжи Ему предстоит узнать: та, ради которой он готов умереть, — беззащитная заложница или самый опасный капкан в его жизни?

До рокового выстрела, который разнесёт панорамное стекло 88-го этажа, остаётся четырнадцать дней. Снайпер на соседней крыше уже нажал на спуск...

Переработанный, отредактированный роман "Предательство".
Октябрь 2026 года.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Горький вкус Cristal	10
Глава 2. Две стороны медали	29
Глава 3. Убежище из памяти	46
Глава 4. Рецидив	67
Глава 5. Код сброса	92
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Анна Сапочкина

88 этажей до бездны

*Предательство не рождается в
темноте. Оно улыбается тебе в лицо
при свете дня*
Анна Сапочкина

Пролог

Никто не обращает внимания на мужчину, который входит в здание. Вернее, сначала его просто никто не узнаёт.

Некогда безупречный строгий костюм сидит на нём как-то странно — слишком плотно, натянуто, а плечи кажутся неестественно массивными и квадратными. Воротник рубашки растёгнут, узел галстука намеренно сдвинут набок, а волосы растрёпаны. Лицо осунулось, под глазами залегли тяжёлые тени. Даже походка изменилась: раньше Кирилл Смолин двигался быстро и уверенно, словно всегда заранее знал свой маршрут. Теперь он идёт медленно, сутулясь, тяжело переставляя ноги, будто каждое движение требует от него отдельного, изнурительного усилия.

Но больше всего поражают глаза. В них не остаётся ничего от прежнего Кирилла. Ни спокойной уверенности успешного бизнесмена, ни привычной иронии. Только пугающая пу-

стога человека, которому больше нечего терять. Но под этой маской безразличия горит раскалённый, внутренний ад.

Аллочка сидит за стойкой ресепшена, быстро печатает в компьютере и лишь мельком поднимает голову, когда он подходит. Несколько секунд девушка продолжает смотреть на него, словно пытается сопоставить этого измождённого незнакомца с человеком, которого знала много лет.

— Кирилл Владимирович?.. — тихо зовёт она.

Он останавливается. Смотрит на неё в упор, но ничего не отвечает. Аллочка невольно выпрямляется под этим мёртвым взглядом.

— Что с вами?.. Как вы сюда попали?

Кирилл переводит взгляд на стеклянные двери переговорной.

— Где Тимур?

Вопрос звучит совершенно спокойно. Настолько спокойно, что по спине девушки пробегает неприятный холодок.

— В переговорной, — растерянно отвечает она. — У него сейчас встреча. — С кем?

— С партнерами.

Кирилл едва заметно кивает, будто именно этого и ожидает.

— Хорошо.

Он разворачивается и направляется к переговорной. Аллочка испуганно вскакивает из-за стола.

— Кирилл Владимирович, подождите! Вам нельзя.

Он продолжает идти, полностью игнорируя её слова.

— Кирилл Владимирович! Я вызову охрану.

Она догоняет его возле самой двери и, сама не понимая зачем, хватается за рукав пиджака. Кирилл резко останавливается. Девушка натывается на его тяжёлый взгляд и тут же испуганно отдёргивает руку.

Он медленно поворачивается. И в этот момент Аллочка впервые по-настоящему пугается. Перед ней стоит чужак.

— Я вызову охрану, — тихо предупреждает она.

Кирилл несколько секунд смотрит на неё, словно пытается понять смысл слов. Затем буднично суёт руку во внутренний карман пиджака. Аллочка бледнеет. Тяжёлый матово-чёрный «Макаров» появляется в его руке без лишней спешки.

Девушка медленно поднимает ладони.

— Кирилл Владимирович... пожалуйста...

Он не сводит с неё глаз.

— Не бойся. Я не причиню тебе вреда.

Аллочка судорожно сглотнула.

— Тогда зачем вы здесь?

В лице Кирилла что-то дрогнуло. Совсем чуть-чуть. Со-мнение, ярость и дикий страх за тех, кто ему дорог. Но уже в следующую секунду оно снова застывает, превратившись в бесстрастную маску.

— Мне нужен Тимур.

Он поворачивается к двери и толкает её плечом.

Переговорная встречает его прохладой кондиционера и

запахом дорогого дерева. В центре огромного стола лежат документы, рядом стоят бокалы с водой. На большом экране застыл график роста компании. Новые партнёры затихают одновременно, едва увидев человека с пистолетом.

Во главе стола сидит Тимур. Он яростно вещает о доходах компании и точках входа, но осекается на полуслове.

Несколько секунд мужчины просто смотрят друг на друга. Тимур медленно поднимается, его лицо бледнеет.

— Кирилл...

Тимур делает осторожный шаг вперёд: — Ты чего? Давай спокойно поговорим.

Кирилл усмехается. Улыбка короткая и совершенно безрадостная.

— Поговорим?

— Конечно.

— Мы уже поговорили.

Тимур хмурится, пятясь к столу:

— О чём ты?

Кирилл вскидывает пистолет. Его рука заметно дрожит, дыхание рваное, а в безумном, затравленном взгляде читается опасная непредсказуемость. Переговорная замирает. Тимур застывает, лихорадочно оценивая состояние бывшего друга и партнёра.

— Кирилл, опусти оружие. Ты не в себе.

— Нет, — с трудом, сквозь зубы выталкивает Кирилл. — Как раз теперь я всё понимаю. — Послушай меня!

— Я слишком долго тебя слушал! — срывается на крик Кирилл.

Он безумно хочет нажать на курок, но долгие года общего прошлого тяжёлым грузом сковывают волю. Голодная юность, общая съёмная двушка, клятвы в верности — всё это встаёт стеной. Он замеряет, тяжело дыша и глядя на Тимура полными боли глазами.

Кирилл делает последний шаг и направляет пистолет в упор на Тимура. Рука ходит ходуном. В ушах бешено, до тошноты стучит кровь, заглушая гул кондиционера. Перед глазами всё плывёт, и лицо бывшего друга кажется чужим, размытым пятном. Кирилл крепко, до боли зажмуривается, собирая остатки уходящего разума, и в этот момент его палец судорожно срывается по холодному металлу спускового крючка.

Кабинет мгновенно наполняется оглушительным, яростным треском лопнувшего стекла, который тут же тонет в глухом падении тяжёлого тела на пол. Вместе со звуком удара Кирилла обдаёт резким, холодным сквозняком с высоты 88-го этажа.

Его прежний мир навсегда рассыпается вместе со стрекнувшим стеклом.

ЗА 14 ДНЕЙ ДО ВЫСТРЕЛА. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Иллюминатор Boeing 777 покрылся мелкими каплями конденсата, когда самолет пробил плотную облачность над столицей. Кирилл Смолин прижал ладонь к холодному стек-

лу, пытаюсь унять морозную дрожь в пальцах. Голова гудела так, словно внутри ворочались ржавые шестеренки. Он ещё не знал, что его прежний мир уже приговорен, а обратный отсчёт запущен...

Глава 1. Горький вкус Cristal

Обратный отсчёт твоей жизни запущен, а ты всё ещё веришь, что шторм за окном иллюминатора — это просто плохой сон

За четырнадцать дней до выстрела

Кирилл понимает: здесь ловить больше нечего. Требуется немедленно возвращаться в Москву и собирать свою жизнь по осколкам.

На такси до аэропорта он добирается в полном оцепенении, поминутно косясь на водителя. В каждом движении шофёра, в каждом повороте руля ему чудится засада. Вот сейчас машина свернёт с шоссе в выжженную, как его собственная жизнь, степь, и всё закончится... Но это лишь игры воспалённого разума. Паспорт остаётся при нём — неизвестные враги почему-то щадят его документы. Путь домой открыт, но Кирилл не может расслабиться ни на секунду, ожидая подвоха отовсюду.

Мелькая за окном футуристическими силуэтами, Астана остаётся позади. Всю дорогу Кирилл лихорадочно прокручивает в голове последние месяцы. Крупный контракт с китайцами, суливший баснословные прибыли. Встреча с Кристиной — лучшей девушкой на земле. Поездка сюда для финального раунда переговоров... Постоянный недосып, стресс, изнуряющая усталость. Что, если нейротоксин стёр

грань между реальностью и галлюцинацией? Какие таблетки он пил? Вроде ничего нового. К психотерапевту не ходил уже пару лет. Мысли путаются, собираются в единую картину и тут же рассыпаются, заставляя начинать этот мучительный анализ заново.

Пограничный контроль в аэропорту Смолин проходит без задержек. И только когда массивный лайнер отрывается от взлётной полосы и берёт курс на Россию, Кирилл наконец выдыхает. Дело не в Казахстане, просто ему отчаянно требуется оказаться на родной земле.

Прижавшись лбом к прохладному стеклу иллюминатора, он незаметно для себя проваливается в глубокий, болезненный сон. Ему снится залитое солнцем поле. Кристина, улыбаясь, качает на руках младенца в кружевном конверте. Кирилл делает шаг навстречу, желая заглянуть в лицо ребёнка, но одеяльце соскальзывает, и вместо младенца на него уставится искажённое злобной гримасой лицо Тимура. Оно хрипло, оглушительно расхохочется.

Кирилл резко распахивает глаза и садится в кресле.

Из динамиков над головой раздаётся ровный голос стюардессы: «Уважаемые пассажиры, наш самолёт готовится к снижению. Просим вас пристегнуть ремни...»

Кирилла бьёт крупная дрожь. В висках наотмашь лупят невидимые молоты, выбивая рваный, надрывный ритм. К горлу мгновенно подступает тошнота. Воздуха критически не хватает, лёгкие словно одеревенели. Судорожно потянув-

шись за бумажным пакетом, он прижимает его к губам и начинает часто, прерывисто дышать. Паническая атака морозным капканом захлопывается на его разуме и теле. Сознание уплывает, и контролировать этот ужас Кирилл больше не может.

— Быстро посмотрите на меня! — властная, но на удивление тёплая ладонь мягко, но настойчиво разворачивает его лицо. — Смотрите мне в глаза! Теперь сконцентрируйтесь на моих губах и в такт повторяйте движения.

Незнакомка принимается размеренно, глубоко вдыхать и тягуче, медленно выдыхать, увлекая его за собой.

— Отлично. Вдох... задерживаем воздух... выдох. Не отводите взгляд. Всё позади. Вы в абсолютной безопасности. Шторм утих, вам больше ничего не угрожает.

Кирилл предпринимает отчаянную попытку обуздать бунтующее тело. Он пытается раствориться в гипнотическом, убаюкивающем голосе попутчицы, поймать ритм её дыхания, переключить сознание на далёкие, безмятежные воспоминания об уютном детстве и пропитанном ароматом маминой выпечки воздухе. Постепенно удушливая паника сбавляет обороты. Ещё какое-то время её фантомные, пронизывающие отголоски кружат поблизости, но вскоре растворяются без остатка. Пальцы Кирилла оказываются скользкими от влаги, а на лбу выступают крупные капли холодного пота.

— Спасибо... — сдавленно, едва различимым шёпотом

выдавливает он.

— Не за что, — женщина ободряюще улыбается и протягивает ему освежающую салфетку. — У моего мужа регулярно случаются подобные внезапные приступы. Вот я и научилась с ними справляться. Рада, что смогла помочь. Если вас так пугает высота или замкнутое пространство, просто выберите взглядом любую неподвижную точку в салоне и мысленно её описывайте.

— Да, я понял. Огромное вам спасибо. Мне... действительно легче.

Попутчица мило, понимающе улыбается и плавно погружается в собственные мысли. Кирилл выуживает из кармана кресла глянецовый журнал и пытается сосредоточиться на строчках, но буквы расплываются. Вскоре лайнер совершает благополучную посадку в промежуточном аэропорту Толмачёво. Кириллу требуется глоток свежего воздуха. Обогнав неторопливый поток пассажиров, он буквально выскакивает на привокзальную площадь и жадно набирает полную грудь прохладного сибирского воздуха. На мгновение его захлёстывает бурлящая обстановка: оглушительный гул двигателей, хаотичный шум, лавина снующих улетающих и суетливых провожающих. Постояв так пару минут на ветру, он возвращается в терминал. Теперь предстоит раздобыть билет до столицы, наспех перекусить и найти в аптечном киоске хоть какое-то сильное успокоительное — расшатанные нервы напроць отказываются слушать.

У касс он внезапно замечает свою недавнюю спасительницу. Она стоит рядом с крупным, добродушным мужчиной. Они выглядят гармоничной, по-настоящему счастливой парой; женщина оживлённо жестикулирует, пересказывая мужу дорожное приключение и то, как спасала незнакомца от удушливого панического приступа. Впервые за эти кошмарные дни Кирилл искренне, горько улыбается. Внутри колыхается немая, щемящая тоска: ему тоже отчаянно хочется таких же прозрачных, доверительных отношений. Хочется быть безмятежным, свободным рядом с любимой девушкой. С Кристиной.

Вскоре объявляют посадку на московский рейс. В полёте его ещё несколько раз накрывает колкая, морозная дрожь, а к горлу подкатывают волны паники, но Кирилл волевым усилием подавляет эти приступы. И лишь в воздухе до него доходит: он не предупредил личного водителя о своём внезапном возвращении и не организовал встречу. Придётся брать случайное такси.

Столица встречает его прохладным июльским рассветом. Запрыгнув в салон вызванной машины, Кирилл называет адрес своего дома — к счастью, этот кусок памяти остаётся нетронутым. Про себя он нервно, цинично смеётся: будет поистине грандиозный финал, если по прибытии окажется, что роскошные апартаменты в элитном ЖК ему больше не принадлежат, а переписаны на какого-нибудь призрака из его стёртого прошлого.

Такси мчится по безлюдным проспектам. Кирилл безотрывно вглядывается в лазурное небо, постепенно окрашивающееся нежно-пурпурным сиянием раннего утра. Первая осознанная мысль о Кристине — он бы не задумываясь ринулся к ней, но с ужасом понимает, что не знает её точного адреса. За весь тот единственный месяц, что длится их роман, она так и не раскрывает ему эту информацию. А ведь до больницы в Астане, где он в бреду провёл последние две недели, Кристина казалась ему самым близким человеком.

Наваливается отрезвляющее прозрение: а что он вообще знает о своей возлюбленной? До восемнадцати лет росла в детском доме, затем училась на архитектурном факультете, сейчас числится сотрудником в тихом музее. Удручающе скудное досье. Игорь должен был найти больше, но случилась эта поездка в Астану. А потом он обнаружил кражу ноутбука и смартфона.

У элитного комплекса на набережной такси притормаживает, когда солнце уже вовсю заливает улицы золотом. Перелёт выдался невероятно удушающим. Кирилл, измотанный и опустошённый, поднимается на свой этаж.

Бронированная дверь поддаётся бесшумно. Внутри его встречает идеальная, почти хрустальная тишина. Золотистый утренний свет безжалостно обнажает безупречный, застывший порядок. Дорогие вещи стоят на своих местах, а в панорамных окнах отражается мирное июльское небо. На открытой террасе зеленеет ухоженный декоративный газон.

На своём привычном месте высится дорогой астрономический телескоп, из которого они с Кристиной ещё пару недель назад любовались на звёзды. Жизнь Кирилла замерла здесь в той самой точке, когда он улетал. Квартира выглядит как музей его собственного благополучия, в которое сам он, разбитый и дезориентированный, уже не вписывается.

Едва переставляя гудящие от усталости ноги, Кирилл проходит в ванную. Горячий душ смывает дорожную пыль и вязкое больничное ощущение, но не избавляет от внутренней стужи. Натянув чистую одежду, он доходит до спальни, где брендовые вещи всё так же идеальными рядами висят в гардеробной. Силы окончательно покидают его. Кирилл падает на постель прямо поверх покрывала и мгновенно проваливается в страшный, тревожный сон.

Кирилл просыпается ближе к вечеру. За панорамными окнами догорают багровые июльские сумерки. Пробуждение не приносит облегчения: к горлу моментально подступает тошнота, а комната перед глазами предательски качается. Кирилл садится на кровать, обхватив голову руками. В ушах всё ещё звенят страшные слова профессора из клиники в Астане.

«Полгода. Вас травили медленно, небольшими дозами, Кирилл Владимирович. Отсюда ваши провалы в памяти. Вам повезло, что сердце выдержало».

Кто? Кто это делал? В голове упрямо всплывает образ Тимура. Он единственный всё это время был рядом. Но и ещё

Аллочка. И Снежана. Кирилл отчетливо помнит, как они вместе летели в Казахстан, как сидели в ресторане, как Тимур протягивал ему бокал... Но, когда Кирилл, едва придя в себя, потребовал у администрации гостиницы логи и записи, начальник охраны лишь сочувственно развёл руками. По документам Кирилл прилетел один. В номере жил один. По документам он был один. Совершенно ОДИН. Но куда тогда пропали вещи? Администратор сказал, что Кирилл в тот вечер выходил из номера вместе с чемоданчиком. Возможно, его просто обокрали, когда он потерял сознание на улице.

Этот факт ломал сознание. Кирилл дезориентирован. Он перестает понимать, где заканчивается реальность и начинается бред, рожденный ядом в его крови. Вокруг сплошная ложь. Единственным настоящим, чистым и живым воспоминанием остаётся Кристина. Её смех, её тёплые ладони, её застенчивый взгляд в полумраке этой квартиры. Она была реальной. Он обязан до неё добраться.

Кое-как справившись с головокружением, Кирилл натягивает спортивный костюм и выходит на улицу. Летний вечерний воздух немного приводит его в чувство. В ближайшем салоне связи он за наличные покупает самый простой телефон и восстанавливает свою сим-карту.

Пальцы крупно дрожат, пока он вбивает в пустую телефонную книгу заветные цифры. Нажимает на вызов, затаив дыхание, и прижимает трубку к уху.

В ответ раздаётся мёртвая тишина. Ни гудков, ни привыч-

ного голоса автоответчика. Номер Кристины просто заблокирован или не существует.

Кирилл медленно опускает руку. Земля снова уходит из-под ног. Разочарование ударяет новой волной тошноты. Организм, истощённый месяцами отравления и тяжёлым перелётом, требует капитуляции. Сейчас он ничего не решит. Ему нужен нормальный, здоровый сон без кошмаров, чтобы завтра, с холодной головой, начать по кусочкам собирать свою жизнь.

За два месяца до выстрела. Сделка с китайцами

Водитель обходит машину и почтительно распахивает перед Кириллом дверь представительского «Майбаха».

Кирилл захлопывает ультрабук. В этот момент он абсолютно уверен, что кошмары прошлого остались позади. Он идёт навстречу своему триумфу, не замечая, как тень от гигантской стеклянной башни накрывает его, словно крышка гроба.

Удачная локация в Сити работает как магнит — институциональные клиенты текут к ним рекой. Наконец-то годы изнурительного труда окупаются сполна. Кирилл получает всё, о чём когда-то боялся даже мечтать: пентхаус с панорамным видом на набережную, эксклюзивный гардероб от миланских портных, автопарк из премиальных суперкаров. В этот период он чувствует себя полностью, пьяняще счастливым.

За два года до этого они вышли на международный уро-

вень, запустив экспансию на рынки Азии и Африки. Кирилл виртуозно управляет чужими капиталами, но его главной страстью стало реальное производство. Он скупает полуразрушенные заводы и фабрики, через сеть дочерних компаний модернизирует их, превращая убыточные советские руины в высокотехнологичные промышленные хабы, а затем перепродаёт по утроенной стоимости. Сверхприбыли тут же реинвестируются в развитие империи.

Эта гонка засасывает его целиком. С утра до вечера он варится в пучине многомиллионных сделок. Лишь изредка, чувствуя полное истощение, Кирилл устраивает себе разгрузочные дни — уезжает в закрытый загородный клуб, где отключает телефон и отдыхает, ни в чём себе не отказывая. А затем возвращается в Сити и снова ныряет в водоворот дел.

Кирилл проходит в свой кабинет. Огромное пространство из стекла и матового хрома кажется стерильным. Он опускается в кожаное кресло и тянется к селектору, чтобы попросить Аллочку принести смузи, но дверь без стука распаивается.

На пороге стоит Тимур. В свои тридцать два года он выглядит как человек, который взял от этой жизни максимум, но хочет ещё больше. В руках он держит высокий стеклянный стакан, заполненный густой, мутной зелёно-желтой жидкостью.

— Доброе утро, президент. Держи тонус, — Тимур ослепительно улыбается, вальяжно проходит через кабинет и ста-

вит напитков на стол. — Лично шеф-повару нарезал задачу, чтобы выжали из импортных поставок. Максимум антиоксидантов перед подписанием года.

— Привет, Тим, — Кирилл сдержанно улыбается в ответ, крепко жмёт партнёру руку и забирает стакан. Он выпивает смузи большими глотками, почти до самого дна. — Отлично. Манго?

— Спешл фо ю, — Тимур присаживается на край массивного стола, небрежно скрестив руки на груди. Его взгляд на секунду задерживается на горлышке стакана, а затем плавно перемещается на лицо Кирилла. — Сам-то как, готов? Внутренний аудит закрыл?

— Естественно. Всю ночь перепроверял отчётность дальневосточных филиалов, — Кирилл ставит пустой стакан на полированное дерево. — А твоя зона ответственности? Готов к защите цифр?

— Обижаешь. Я тоже мониторил показатели до самого рассвета, — Тимур наклоняется ближе, его голос падает до доверительного полушёпота, а на губах заигрывает циничная ухмылка. — Сначала инспектировал новый закрытый клуб на Патриках, потом переместился в вип-рум с премиальной нимфой. А под утро она вызвала подругу из модельного агентства, и они устроили мне такой перформанс... Кир, клянусь, с таким уровнем сервиса я ещё не сталкивался. Думал, тахикардия накроет.

Кирилл снисходительно покачивает головой, сохраняя

строгое выражение лица.

— Прекращай, Тим. Ты выдаёшь эту тираду после каждого уик-энда. Я всё-таки предпочитаю перед раундами на сто миллионов высыпаться. Приведи себя в соответствие, у тебя лацкан пиджака замялся. Через десять минут жду в переговорной.

— Слушаюсь, босс, — хмыкает Тимур, соскакивая со стола. Ладонь у него странно влажная и горячая, когда он похозяйски похлопывает Кирилла по плечу. — Встретимся на подписании.

Дверь за ним плавно закрывается. Кирилл остаётся один на один со своими мыслями. Он откидывается на спинку кресла, прикрывает глаза и в последний раз мысленно пробегается по ключевым тезисам презентации для китайской делегации. Всё просчитано до малейшего знака.

Он впервые ловит себя на мысли, что за последние несколько недель перестал понимать истинные мотивы собственного партнёра. Раньше Кирилл замечал в Тимуре малейшие нюансы: как тот морщит нос, когда пытается блефовать, как проводит большим пальцем по краю бокала, когда нервничает, как слишком громко смеётся, если разговор заходит в тупик. Теперь эти маркеры словно исчезли за дорогой, тщательно отполированной маской топ-менеджера. Тимур по-прежнему шутит, сорит деньгами, может назвать его братом, но в этих жестах появилась какая-то новая, холодная осторожность, почти незаметная, если не знать человека

с самого низа.

Кирилл поднимается, подходит к ростовому зеркалу у стены и критически осматривает себя. Он поправляет безупречный узел галстука, смахивает невидимую пылинку с туфель от Berluti и точным движением приглаживает волосы. Отражение выглядит безупречно. Можно начинать. Он размеренными шагами покидает кабинет, прихватив с собой ноутбук и кожаную папку со всей конфиденциальной информацией по сделке.

Переговорная изменилась до неузнаваемости. Кирилл лично распорядился подготовить её по всем восточным канонам, чтобы продемонстрировать инвесторам высшую степень уважения и понимания их менталитета. Вместо привычного стола и кожаных кресел пол устилает роскошный шёлковый ковёр, а по кругу разложены мягкие парчовые подушки. В самом центре стоит низкий столик из лакированного дерева для чайной церемонии. Возле него, опустив глаза, застыла приглашённая девушка-азиатка в изящном шёлковом платье-ципао. Под потолком тихонько позванивают бамбуковые колокольчики, призванные очистить пространство от негативной энергии. Из угла доносится умиротворяющее журчание декоративного фонтана, а воздух пропитан едва уловимым ароматом сандала. Кирилл удовлетворённо кивнёт. Всё идеально. Пекин оценит такой приём по достоинству.

И в этот момент в переговорную буквально вваливается

Тимур.

Он двигается излишне шумно, на ходу задевая плечом бамбуковый декор, который жалобно и фальшиво звякает. Носком дорогой туфли Тимур небрежно отпихивает в сторону одну из подушек и по-хозяйски рушится на соседнюю. Кирилл передёргивает от внутреннего раздражения. Ему остро хочется провести этот раунд в одиночку, но устав холдинга этого не позволяет.

— Тим, возьми себя в руки, — сквозь зубы процеживает Кирилл, наклонившись к партнёру. — Я просил тебя подойти к этой встрече максимально собранным. Ты отлично знаешь, что для компании это исторический день. Эти люди открывают нам бездонный азиатский рынок, к которому я прорывался годами. Твоя безответственность может обнулить всю подготовку.

— Да брось ты, Кир, не нагнетай, — Тимур лениво отмахивается, даже не глядя на него. — Всё под контролем.

— Может, я сам закрою совещание? — с надеждой спрашивает Кирилл. — Иди, переведи дух в кабинете.

— Исключено, коллега, — Тимур цинично усмехается, в его глазах на мгновение блестит сухой огонёк. — Я хочу лично зафиксировать лица этих миллиардеров. Это и мои дивиденды тоже.

— Ладно. Тогда держи лицо, делай умный вид и просто молчи. Умоляю, не сорви сделку. На кону контракт на сто миллионов долларов.

— Расслабься. Всё будет по регламенту.

В этот момент оживает динамик внутренней связи. Мягкий голос Аллочки сообщает:

— Кирилл Владимирович, китайская делегация вышла из лифта. Встречайте гостей.

У Кирилла мгновенно вспотели ладони. Сердце колотится в груди, как пойманная птица. Он закрывает глаза, делает глубокий, контролируемый вдох и медленный выдох, запуская привычную психологическую установку: «Я готов. Я хищник. Сегодня я закрою этот контракт. Я лучший в своём деле».

Он резко открывает глаза. Страх исчезает, уступив место монументальной уверенности.

Двери распахиваются. В комнату плавной, почти синхронной походкой входят четверо мужчин в безупречных строгих костюмах.

— Нихао! Нихао ма? — Кирилл поднимается на ноги и тепло, но сдержанно кланяется, сделав приглашающий жест рукой. — Хуаньин! Цин цзо!

— Нихао! Хао! Сесе! — хором отвечают гости, вежливо кланяясь в ответ и занимая места на подушках.

Главный в делегации — пожилой китаец с пронизательными, как у ястреба, глазами — бросает быстрый взгляд на комнату. Оценка занимает долю секунды. На его строгом лице промелькнёт едва заметная одобрительная улыбка. Кирилл мысленно ликует: первый раунд остаётся за ним.

Он переводит взгляд на Тимура, надеясь, что тот держит лицо. Но Тимур в этот момент, никого не стесняясь, медленно и плотоядно разглядывает девушку, которая начинает разливать по чашкам коллекционный чай пуэр. На лице партнёра блуждает самодовольная улыбка, и Кирилл чувствует, как внутри него зарождается первая волна немого, пока ещё бессильного гнева.

Беседа идёт через переводчика, что существенно экономит время обеим сторонам. Однако Кирилл то и дело вставляет короткие фразы на чистом путунхуа. Он легко оперирует сложными терминами: «инвестиционный пул», «диверсификация рисков», «трансграничная логистика». Китайцы приятно удивлены. На их строгих лицах то и дело мелькают одобрительные улыбки — такое уважение к языку и культуре растопит любой лёд.

Глава делегации, господин Чэнь, через переводчика признаётся, что они впервые видят переговорную, оформленную с таким безупречным знанием законов Фэн-шуй. В самом сердце Москва-Сити они внезапно чувствуют себя как дома.

Чайная церемония проходит как по нотам. Девушка-азиатка тонкими, выверенными движениями заваривает пуэр, превращая каждое действие в сакральный ритуал. Китайские партнёры окончательно расслабляются.

Кирилл искусно ведёт партнёров к главной цели — соглашению по его флагманскому проекту «Восток-Инвест».

Стратегия безупречна: его компания выкупает глубоководные порты на Дальнем Востоке, балансирующие на грани банкротства, полностью модернизирует инфраструктуру и превращает их в ключевые узлы импорта. Для Пекина это открытые ворота на российский рынок, для Кирилла — золотая жила.

На этот раз ставки поднимаются ещё выше. По условиям новой сделки, Кирилл выделяет один из модернизированных терминалов во Владивостоке исключительно под перевалку продовольствия. Финальным аккордом соглашения становится контракт на гарантированный импорт ста тысяч тонн элитного длиннозёрного риса в год. Этот объём закрывает ключевые потребности России в дефицитных сортах, намертво привязывает китайских поставщиков к мощностям Кирилла и превращает обычную логистику в стомиллионную империю.

Встреча проходит безупречно. Даже Тимур умудряется выдержать характер и не портит финал ни одной глупой репликой. Китайская сторона принимает условия Кирилла без единой правки. Проводив партнёров до ожидавшие у входа бронированного премиального минивэна, они обмениваются крепкими рукопожатиями и поднимаются обратно на восемьдесят восьмой этаж.

В кабинете Кирилл наконец позволяет себе ослабить галстук и перевести дух. На столе темнеет кожаная папка с контрактом на сто миллионов долларов. Один процент от этой

суммы — их стандартный успех-фи — превращается в один миллион долларов чистой прибыли лично для Кирилла. Такой же миллион капает на счета Тимура. Ещё один миллион Кирилл заложил на премии команде. Он никогда не жалеет бонусов для людей, которые помогают ему побеждать.

— Поздравляю с закрытием, партнёр, — Тимур протягивает руку со своей привычной, слегка циничной улыбкой.

— Взаимно. Отличный результат, Тим, — Кирилл крепко жмёт его ладонь, замечая, что она до сих пор странно влажная. — Мы взяли колоссальную планку, но расслабляться рано. Этот контракт накладывает на нас жёсткие обязательства. Мы обязаны доказать свою надёжность. Сегодня празднуй, но завтра утром жду в офисе без опозданий. Сорвём операционные сроки — потеряем и ликвидность, и репутацию.

— Да, шеф. Будет исполнено, — Тимур шутливо салютует двумя пальцами и подмигивает.

Кирилл собирает сотрудников в опенспейсе и объявляет о триумфе. Офис взрывается аплодисментами. Секретарь Аллочка ловко откупоривает несколько бутылок коллекционного шампанского Cristal. Игристое разливают по хрустальным бокалам, и Кирилл лично поднимает тост за команду.

Он искренне гордится этими людьми. Здесь собрались лучшие аналитики, айтишники, юристы и маркетологи. Кирилла никогда не интересовали их дипломы и формальные корочки. Главным критерием всегда было умение делать

свою работу безупречно и строго в дедлайн. Этого он требует от сотрудников и от самого себя.

Пока офис шумно празднует, Тимур незаметно отделяется от толпы. Он подходит к столу Кирилла и аккуратно, стараясь не издать ни звука, ставит на полированное дерево его пустой бокал. В его глазах светится опасный, настороженный блеск.

Но Кирилл, опьянённый триумфом и бьющим в голову Cristal, ничего не замечает. Он громко смеётся, принимая поздравления, даже не догадываясь, что его стомиллионная империя скоро перейдёт в чужие руки.

Глава 2. Две стороны медали

Успех и предательство — это две стороны одной медали. Вопрос лишь в том, кто бросает жребий

За тринадцать дней до выстрела

Утро приносит лишь короткую передышку. Кирилл сидит в салоне такси, содрогаясь от волн крупной дрожи — остатки яда по-прежнему разрушают его тело. С нового телефона он уже в пятый раз набирает номер Тимура. Безответно. Длинные, равнодушные гудки обрываются пустотой. Партнер словно испарился.

Когда машина тормозит у сияющего стеклом и сталью фасада их инвестиционной компании, Кирилл решительно направляется к дверям. Но на проходной его ждёт непреодолимый тупик.

— Кирилл Владимирович, при всем уважении, ваша карта заблокирована, — охранник отводит глаза, пряча неловкость. — Распоряжение комплаенса. Пожалуйста, покиньте периметр.

— Вы с ума сошли? Я генеральный директор этой фирмы! — Кирилл рвётся вперёд, но дорогу ему преграждают ещё двое сотрудников безопасности. Из-за стеклянных дверей вестибюля на него уже косятся бывшие подчинённые.

Кирилл не собирается ждать. Он круто разворачивается и выходит на залитую солнцем улицу. Внутреннее смятение

нарастает лавиной. Что, чёрт возьми, он упустил за эти проклятые недели? Может, он до сих пор лежит в коме на больничной койке в Астане, и весь этот кошмар — лишь лихорадочный бред? Или правы врачи, и это токсическое разрушение мозга, порождающее осязаемые галлюцинации?

Из стеклянных дверей небоскреба стремительно выходит Тимур. На нём нет привычной вальяжности. Пиджак растёгнут, галстук слегка сдвинут, на лице — маска предельной, выматывающей тревоги. Завидев Кирилла, он бледнеет, делает быстрый шаг навстречу и буквально ловит его за плечи, всматриваясь в лицо безумными от испуга глазами.

— Кирилл... Господи, Кира, ты зачем ушёл из клиники?! — голос Тимура срывается, в нём дрожит неподдельный, вибрирующий страх. Он крепко, судорожно сжимает предплечья Кирилла, и его ладони мелко трясутся. — Мне Олег Борисович час назад набрал, сказал, что ты подписал добровольный отказ и просто растворился. Ты понимаешь, что тебе нельзя прерывать курс детокса? Ты себя в зеркало видел?

Кирилл застывает под этим напором ошеломляющего, искреннего беспокойства.

— Тим... стой, — выдавливают он, пытаясь сохранить остатки инвесторской жесткости. — Объясни, что здесь происходит? Почему моя карта аннулирована? Почему меня блокирует собственная охрана? Я был в Астане! Меня травили...

— Кирилл, посмотри на меня, — Тимур перебивает его

на полуслове, понижая голос до доверительного, умоляющего полусшёпота. Его глаза блестят от подступающих слёз. Он бережно, но настойчиво уводит Кирилла с открытого пространства к гранитной скамье. — Я заблокировал счета и доступы. Я лично. Иначе наши аудиторы и юристы сдали бы тебя в полицию за неадекватность. Ты понимаешь, что ты творишь? Врач предупреждал, что у тебя включится защитный механизм и ты начнёшь винить во всём меня. Но я твою жизнь спасаю, Кира! Две недели под капельницами, частная клиника, лучшие лекарства... У тебя деструктивный психоз на фоне операционного выгорания.

— Что за дичь ты несёшь?! — Кирилл чувствует, как ярость плотным обручем сжимает грудь. Горло перехватывает. — Кристина реальна! А в больнице я оказался, потому что меня отравили!

— Кирюха, очнись! — Тимур судорожно сжимает его предплечья, его голос дрожит от неподдельного, вибрирующего страха. — Какое отравление? Две недели назад я лично вызвал тебе бригаду скорой помощи прямо сюда. К этому самому входу в наш офис! Ты стоял на крыльце, посреди бела дня, и разговаривал с пустотой. На полном серьёзе. Ты называл воздух Кристиной. Ты держал эту вымышленную девушку за руку, бережно так, оберегал её от прохожих, показывал ей наш логотип на фасаде... Понимаешь? Прохожие шарахались, охрана не знала, что делать. Ты улыбался пустому месту и уверял её, что вы улетаёте на острова. Я ко-

гда это увидел, у меня сердце чуть не остановилось от ужаса за тебя. Если бы я тогда не вызвал частных психиатров, тебя бы забрали городские службы в обычную дурку! Я карточку твою аннулировал только для того, чтобы ты в этом бреду не ликвидировал холдинг. А теперь ты снова здесь, стоишь на том же месте и бросаешься на меня с какими-то дикими обвинениями...

— Что за бред ты несешь?! Кристина реальна! А в больнице я оказался, потому что меня отравили в Казахстане! Зачем ты бросил меня в Астане и улетел?!

Тимур медленно опускает руки. На его лице проступает такая глубокая, выстраданная скорбь и жалость, что Кирилл обдает внутренним холодом. Тимур со вздохом трет переносицу, его пальцы крупно дрожат.

— Кир... какая Астана? — тихо, с надрывом произносит Тимур. — Какой Казахстан? Мы закрыли майский контракт в Москве, и сразу после этого тебя накрыло. Ты никуда не летал. Ты последние две недели безвыездно находился в клинике Олега Борисовича. Я лично возил к тебе профессоров из института Сербского.

— Ничего не понимаю... — Кирилл растерянно, обессиленно опускается на гранитную скамью у подножия небоскреба. В голове снова поднимается плотный, оглушительный шум. Колени дрожат, асфальт под ногами кажется зыбким. Реальность ускользает, как песок сквозь пальцы.

— Кир, послушай меня, давай я разложу тебе все по по-

лочкам, — Тимур присаживается рядом. Он обнимает Кирилла за плечи — жест выглядит максимально поддерживающим, отцовским. — Та майская сделка... Она тебя уничтожила. Выжала до капли. Мозг просто выставил психологический блок, понимаешь? Защитный контур. И в твоём сознании возникла эта Кристина. Ты мгновенно успокоился, выглядел счастливым, но в офисе стал абсолютно рассеянным, выпадал из рабочих процессов. Мы неделями не понимали, что происходит, списывали на влюбленность.

Слова Тимура бьют наотмашь. Последние капли сопротивления испаряются, оставляя внутри Кирилла лишь звенящую, опустошающую тьму. Он смотрит на свои ладони, и ему кажется, что они чужие. Неужели он действительно гладил воздух? Неужели Кристины... никогда не существовало?

— Я схожу с ума... — этот шепот даётся Кириллу с трудом. Горло словно засыпано песком.

— Ты не сходишь с ума, Кир. Ты просто серьёзно болен, — Тимур мягко, но крепко сжимает его плечо, его голос дрожит от облегчения. — Это купируется. Это лечится. Главное — вовремя довериться клинике. Позволь мне помочь тебе, ладно? Мы пройдем это снова. Я холдинг удержу, активы не трону. Только вернись к врачам.

Кирилл медленно, отрешённо кивает. У него больше нет сил бороться с целым миром, который хором твердит, что он безумен. Вся его прежняя монументальная уверенность разбивается вдребезги о мягкую, удушающую заботу друга.

Тимур тут же достаёт телефон. Его пальцы лихорадочно порхают по экрану. Он набирает номер и говорит быстро, деловито, но с явным оттенком глубокой, искренней тревоги:

— Олег Борисович? Да, это Тимур. Я нашёл Кирилла, он у нашего офиса на Пресненской. Да, начался рецидив, жёсткая дезориентация, бредит Казахстаном, не узнаёт реальность... Пожалуйста, срочно везите реанимационный автомобиль. Обеспечьте полную анонимность, никаких журналистов. Мы ждём на улице. Спасибо.

Тимур убирает телефон и ободряюще, сквозь слёзы улыбается. Но Кириллу эта улыбка уже кажется размытым пятном. Головокружение усиливается. Солнечный свет элитного квартала слепит глаза, а стеклянные стены небоскребов словно сжимаются, превращаясь в гигантскую прозрачную клетку.

Машина с тонированными стеклами подъезжает удивительно быстро — буквально через семь минут. Из неё выходят двое мужчин в штатском. У них спокойные, профессионально-равнодушные лица. Они не похожи на санитаров из фильмов ужасов, и это окончательно усыпляет бдительность Кирилла.

— Кирилл Владимирович? Пойдёмте, — один из них вежливо открывает заднюю дверцу. — Олег Борисович вас уже ждёт. Мы поможем вам прийти в себя.

Кирилл поднимается со скамьи. Ноги кажутся ватными, непослушными. Он делает шаг к машине добровольно, как

приговорённый, который устал бежать.

— Я буду навещать тебя каждый день, брат, — тихо говорит в спину Тимур. В его интонациях звучит неподдельная, разрывающая сердце грусть. — Отдыхай. О бизнесе не думай, я все улажу.

Кирилл опускается на мягкое кожаное сиденье. Дверь захлопывается с глухим, плотным щелчком. Этот звук кажется Кирилла финальной точкой. Машина плавно трогается с места и вливается в поток столичного трафика, увозя его в неизвестность.

Монолог Тимура все еще звучит в его голове — пугающе правдоподобно, без единой фальшивой ноты. Но сам Смолин помнит всё иначе. В его памяти отчетливо живут сухой степной ветер Астаны, горький вкус больничной воды, убеждения, что он жил один, а Тимура рядом не было. Но ведь он отчётливо помнит, как ходил с ним ужинать, как разговаривал с Кристиной, как потом попал в тёмный, безвозвратный тоннель и руки Кристины вели его на свет...

Так кто из них сходит с ума? Он сам? Или кто-то планомерно и жестоко переписывает реальность вокруг него? И главное — зачем?

Преодолевая слабость, Кирилл закрывает глаза и пытается по фрагментам сложить прошлое. Дешёвый мобильник, купленный вчера за наличные, греет его ладонь. Дрожащими пальцами Кирилл вылавливает аппарат из кармана.

Он снова набирает номер Кристины. В ответ — зловещая,

пустая тишина. Пробует связаться с Игорем. Трубка отзывается длинными, равнодушными гудками, которые кажутся ударами пульса в висках. Игорь не отвечает. Либо не может, либо... мёртв.

Тогда, преодолевая внутреннее сопротивление и страх, Кирилл набирает номер родителей.

К его облегчению, на том конце провода все тихо и размеренно. Мама привычно расспрашивает о делах, а затем с мягким любопытством интересуется, когда он наконец придет к ним вместе с Кристиной для долгожданного знакомства. Спрашивает, как прошёл их отпуск.

Кирилл вымученно, но искренне улыбается. Слава богу. Значит, близкие ничего не знают о его мнимом безумии, Тимур им не сообщил. И самое главное — Кристина реальна! Она не плод его воспаленного воображения. Родители помнят ее имя, он им его назвал.

Но радость длится всего секунду. Кирилл сбрасывает звонок, и наваливается новая, ещё более жуткая мысль. Они знают о Кристине только с его слов. Родители никогда не видели ее живую.

Разочарование бьёт под дых. Разум снова подкидывает поленья в пламя вымученного безумия. Что, если Тимур прав? Что, если он действительно рассказывал родителям о женщине, которую просто выдумал его отравленный мозг?

Их новый офис располагался на 88-м этаже. Кирилл с детства верил в нумерологию. Восьмерка была его счастливым

числом, а две восьмерки рядом казались знаком бесконечного успеха.

Каждый раз, переступая порог этого лобби, Кирилл вспоминал, с чего все начиналось. Десять лет назад его компания ютилась в тесной каморке на окраине столицы. Пять лет он продирался сквозь терновник: бюрократический ад, козни конкурентов и постоянные отказы. Он буквально жил на работе, ночами рисовал на маркерной доске безумные схемы заработка. Чего он только ни перепробовал, какие только идеи ни роились в его голове! Он ходил по фондам, презентовал свои стартапы, но сытые инвесторы в дорогих костюмах лишь брезгливо морщились. Кирилл до сих пор помнил их унизительный хохот, звучащий за закрывающимися дверями кабинетов. Именно тогда, сжимая кулаки от бессильной злости, он поклялся себе: расшибётся в лепешку, но заставит этих чиновников уважать себя.

И судьба подкинула ему шанс. На одной из деловых встреч он столкнулся с парнем, который тоже только что с треском провалил презентацию своего проекта. Это был Тимур. Они разговорились, Кирилл привёл нового знакомого в свою каморку, и они проболтали о делах до самого рассвета. Кирилл дал их союзу железную логику, экономическое чутье и уникальные инвестиционные стратегии. А Тимур — зубы, голос и умение очаровывать толстосумов.

Они собрали вокруг себя команду фанатиков. Людей, для которых был важен результат, а не копеечный оклад. И биз-

нес выстрелил. За три года они самостоятельно раскрутили компанию до таких масштабов, что старые игроки рынка начали судорожно оглядываться.

Кирилл не любил вспоминать те времена, когда денег у них не было. Не потому, что стыдился нищеты. Наоборот — именно тогда он научился различать людей. Те, у кого ничего не было, делились последним. Те, у кого было всё, иногда не могли поделиться даже правдой.

Тимур в те годы смеялся громче всех. Он умел превращать любую неприятность в шутку и первым говорил: «Прорвёмся». Кирилл верил ему безоговорочно.

Однажды ночью, когда они сидели на полу съёмной квартиры и делили последнюю пачку лапши, Тимур вдруг сказал: «Запомни, Кир. В этом мире есть только две категории людей. Те, кого используют, и те, кто научился использовать первым».

Кирилл тогда рассмеялся.

— Ты драматизируешь.

Тимур пожал плечами.

— Может быть. Просто я никогда больше не хочу оказаться первым.

Кирилл не придавал словам значения. Через десять лет он будет вспоминать именно эту фразу и понимать, что тогда Тимур впервые сказал ему правду.

Он ещё долго слышал тогдашний смех Тимура, когда они уже легли спать. В тесной комнате пахло дешёвым стираль-

ным порошком, горячей лапшой и влажной штукатуркой. За стеной кто-то ругался, в батарее постукивала остывающая вода.

Тимур отвернулся к стене и почти сразу затих, но Кирилл заметил, как тот долго не выпускал из пальцев старый телефон с треснувшим экраном. На нём было открыто какое-то письмо. Кирилл не стал спрашивать. Ему казалось, что у каждого человека должна оставаться хотя бы одна вещь, о которой он не обязан рассказывать даже самому близкому другу.

За два месяца до выстрела

Кирилл поднимается на скоростном лифте в свой уютный пентхаус. Разуваётся, на автомате проходит в ванную. Сбрасывает спортивный костюм и шагает под душ. Нажав на рычаг, он врубает ледяную воду на максимум. Он просто стоит под жесткими струями минуты три, тупо смотря в кафель, пока тело не начинает крупно трясти от холода. Только тогда он переключает воду на теплую, обессиленно сползает по стенке на пол душевой кабины и закрывает глаза. Вода стекает по его лицу, смешиваясь с невеселыми мыслями.

Он чертовски, смертельно устал за этот месяц. Возникает стойкое ощущение, что проект с китайцами нужен ему одному.

В последнее время Тимур не просто ведёт себя странно — он откровенно забивает на бизнес. Постоянно пропадает на тусовках, опаздывает на ключевые созвоны, игнорирует

стратегические сессии. Когда Кирилл пытается жестко, по-деловому призвать его к порядку, партнёр лишь отшучивается с легкой, обидной снисходительностью:

— Сбавь обороты, Кирилл. Я наконец-то вышел из операционного ада и начал фиксировать прибыль от этой жизни. Когда ещё осваивать этот ресурс, если не на пике формы? Мы выстраивали эту структуру и аккумулировали ликвидность точно не для того, чтобы круглосуточно чахнуть над финансовыми моделями. Какой смысл был годами урезать собственные аппетиты и делить копеечные расходы на окраине, если сейчас я не могу позволить себе закрытый сервис, топовую кухню и общество женщин высшего грейда? Я своё отпахал в поле. Теперь моя задача — тратить.

Кирилл честно пытается до него достучаться. Убеждает, что соучредительство — это не только право пилить прибыль, но и колоссальная ответственность. Ответственность, которую Тимур просто сгрузил на чужие плечи. Но партнёр лишь отмахивается. В итоге Кириллу приходится тащить этот гигантский воз в одиночку, дорабатывая за двоих.

А ведь когда они познакомились, Тим был совсем другим. Голодным, цепким, готовым грызть землю ради успеха.

Вот что с людьми делают большие деньги. К ним нужно быть готовым внутренне. Если нет стального стержня, богатство не подарит свободу. Оно просто сорвёт тормоза и пустит жизнь под откос. И ты закончишь где-нибудь в туалете элитного клуба с передозом, окруженный такими же фаль-

шивыми друзьями.

Сидя на полу под тёплыми струями душа, Кирилл ещё не понимал, насколько пророческими окажутся его мысли. И что очень скоро жизнь пойдет наперекосяк вовсе не у Тимура.

А у него самого.

Кирилл встрепыхается, прогоняя тягостные мысли. Он вытирается белоснежным махровым полотенцем, надевает домашние брюки, футболку и отправляется на кухню. Домработница приготовила лазанью — его любимое блюдо. Она всегда готовит её по секретному рецепту шеф-повара из того самого итальянского ресторанчика, где Кирилл впервые попробовал этот шедевр и пришёл в дикий восторг. Ужин кажется пресным. Пытаясь перебить странное послевкусие, Кирилл готовит ещё один смузи, на этот раз из красных ягод, выпивает его залпом и выходит на террасу полюбоваться закатом.

Он пытается расслабиться, но мысли снова и снова возвращаются к другу. В отличие от Кирилла, который ценит домашний уют и тишину, Тимур воспринимает богатство как путёвку в бесконечный карнавал.

Как только Тим сменил крошечную однушку на окраине на фешенебельные апартаменты в пределах Садового кольца, его личность начала стремительно распадаться. Навалившиеся миллионы и доступный гламур буквально свели его с ума. Собственная прислуга, изысканная еда из лучших ре-

сторанов столицы, толпы женщин, готовых вешаться на шею по первому щелчку, — всё это опьяняет Тимура. Каждую ночь он зажигает в элитных клубах и закрытых барах. Под утро возвращается домой с очередной случайной спутницей, а протрезвев, хладнокровно выставляет её за дверь, даже не удосужившись узнать имя.

Тимур совершенно не умеет распоряжаться деньгами. Он спускает миллионы в подпольных казино и на безумных ставках. За всё время он приобретает в собственность только элитные апартаменты.

Кирилл же, напротив, просчитывает каждый шаг. Он инвестирует свободные средства исключительно в твердые активы, гарантирующие доход. Кирилл виртуозно находит общий язык с топ-политиками, крупными коммерсантами и владельцами промышленных гигантов. Свои капиталы он надёжно распределяет между фондами Ближнего Востока и диверсифицирует в золото.

Но главное — на вершине успеха Кирилл не теряет человечность. Он полностью содержит пожилых родителей, помогает младшему брату и сестре открыть бизнес. Год назад он создаёт благотворительный фонд, который анонимно финансирует сложнейшие операции для тяжелобольных детей.

Тимур предпочитает жить в моменте. Он искренне считает, что теперь пришёл черед исключительно для удовольствий, и помощь ближнему вообще не входит в список его приоритетов. Хватит. До двадцати лет на него было всем

плевать, так почему же он должен сейчас кому-то помогать. Однажды он совершил такую непростительную глупость и сполна поплатился. Он выжимает из жизни все соки, пока Кирилл строит фундамент для их общего будущего.

Два партнера, две противоположности. Один созидает империю, другой прожигает её изнутри.

Кофемашина Bork на кухне Кирилла тихо гудит, заполняя квартиру ароматом свежееобжаренной арабики. Из больших окон шестого этажа открывается вид на утреннюю набережную, затянутую лёгкой майской дымкой. Река внизу кажется спокойной и неподвижной. Это престижный закрытый дом с личным паркингом — место, которое наглядно доказывает: они с Тимуром официально покорили эту столицу.

Кирилл стоит у кухонного острова в безупречно отглаженной тёмно-синей рубашке, изучая аналитику на экране ноутбука. В свои тридцать пять лет он управляет капиталом, который приводит в движение промышленные гиганты. Его активы простираются от крупных отечественных заводов до долей в международных технологических корпорациях. Он мыслил масштабно: инвестировал в целые индустрии, скупал перспективные бренды и финансировал глобальные проекты.

Через пять минут он уже в машине. В салоне представительского «Майбаха» пахнет дорогой кожей и индивидуальным парфюмом от лучших французских производителей. За звуконепроницаемыми окнами плавно проплывает утренняя

набережная. Кирилл не смотрит по сторонам. На его коленях лежит ультрабук, а пальцы привычно свайпают экраны финансовых терминалов.

Он жадно впитывает цифры. Биржевые сводки, фьючерсы на какао-бобы и рис, котировки золота, скачущие графики криптовалют — для обычного человека это хаос, но Кирилл видит в этом скрытую гармонию. Он рассчитывает циклы и тренды там, где пасуют аналитики с Уолл-стрит. Он делает быстрые заметки, набрасывая контуры новой инвестиционной стратегии прямо на ходу.

Вскоре машина ныряет в тени башен делового центра. Москва-Сити. Район, где в воздухе пахнет по-настоящему большими деньгами, дорогим табаком и амбициями. Здесь, среди мишленовских ресторанов, закрытых клубов и шоу-румов элитных авто, решаются судьбы огромных капиталов страны.

«Майбах» тормозит у подножия башни. Кирилл поднимает голову и смотрит вверх, туда, где стеклянный шпиль пробивает облака.

Зеркальные грани фасада отражают идеальное майское небо, дробя его на тысячи безупречных цифровых пикселей. В этом искусственном мире нет места случайностям, сбоям или человеческой слабости. Кирилл делает глубокий вдох, поправляет манжеты рубашки и выходит в яркое столичное утро. Он чувствует себя абсолютным хозяином этой высоты, архитектором собственной безупречной судьбы. За его

спиной — миллионные оборотные средства, впереди — исторический контракт, способный превратить его холдинг в неприступную транснациональную монополию.

Он не знает и не может знать, что этот сияющий стеклянный шпиль, уходящий в стратосферу, уже превращается для него в колоссальный, начищенный до блеска надгробный памятник. Что обратный отсчёт его империи запущен, и кто-то прямо сейчас выжимает из соковыжималки на офисной кухне густой, яркий смузи.

Кирилл Смолин уверенно идёт забирать этот мир целиком, даже не догадываясь, что яд уже медленно, капля за каплей, проникает в его кровь.

Глава 3. Убежище из памяти

Память — это шахматная доска, где фигуры двигаешь ты, а правила пишет твой палач

За двенадцать дней до выстрела

Кирилл приходит в себя в больничной палате. Снова. На этот раз он призрачно вспоминает свой визит в офис и то, как заботливо Тимур вызвал ему бригаду из частной клиники. Голова гудит. Он пытается ухватиться за спасительный якорь в виде Кристины, но её образ разрушается на мелкие части. Он собирает его тщательно, пытается уловить знакомый аромат ягодного геля для душа, но все попытки тщетны. Её голос трансформируется в голос электронной помощницы Сони. Её смех рассыпается. Дверь в палату открывается и входит медсестра. Она заботливо ставит капельницу и уходит. Кирилл снова проваливается в скользкий, коварный сон.

Время в клинике Олега Борисовича теряет форму. Оно то растягивается, как безвкусная серая жвачка, то схлопывается в душные, беспмятные провалы.

В палате пахнет стерильной чистотой, хлоркой и сладковатым успокоительным, от которого постоянно першит в горле. Окна здесь не открываются — безопасный пластиковый монолит. За ними застыло блеклое, словно выцветшее июльское небо. Кирилл почти не встает. На его предплечьях

синее дорожки от непрерывных капельниц. С каждым новым флаконом, капающим с мерным, сводящим с ума стуком — кап... кап... кап... — его мысли становятся грузными, как сырой песок.

— Расслабьтесь, Кирилл Владимирович. Ловите мой голос, — Олег Борисович сидит на краю кровати. Его белый халат слепит глаза, а очки в тонкой золотой оправе гипнотически отражают свет лампы. — Вы в безопасности. Рядом никого нет. В Астане никого не было. И в Москве вас никто не ждет.

Врач включает на прикроватной тумбе прибор. Тихий, монотонный ультразвуковой гул заполняет череп Кирилла.

— Ваша память просто защищается от стресса, — мягко, как заботливый отец, продолжает доктор, совершая плавные пассы ладонью перед лицом Смолина. — Вы придумали убежище. Красивую, тихую девушку из музея. Архитектора. Но вспомните... Вы ведь никогда не видели её паспорта? Вы не помните её фамилию. Какого цвета были её глаза при дневном свете, Кирилл? Вспомните. Вы не можете. Потому что это был лишь сон. Красивый, идеальный образ на фоне вашего выгорания...

Кирилл пытается закричать, что это ложь. Что он помнит! Но язык не слушается, превратившись в безжизненный кусок резины. Препараты парализуют волю.

Он закрывает глаза и пытается ухватиться за образ Кристины, как за спасательный круг. Но под действием гипно-

за и химии образ начинает страшно искажаться. Кирилл видит Кристину в полумраке своей спальни, но когда она поворачивается к нему, её лицо оказывается размытым, слепым пятном. Без глаз. Без губ. Просто гладкая кожа.

«Я её выдумал? — ледяной ужас заползает под кожу. — Господи, неужели я действительно сумасшедший? Неужели я гладил пустоту?»

Каждый вечер Тимур заходит в палату. Он сидит в кресле, чистит для Кирилла мандарин, и этот резкий, праздничный запах цитруса в стерильной комнате кажется Кириллу верхом сюрреализма. Тимур сочувственно смотрит на него, вздыхает и говорит о текущих котировках акций, о горящем контракте с китайцами, который «пришлось улаживать без тебя, Кир, пока ты бредил на скамейке».

В этой душной, полусонной реальности Кирилл начинает ломаться. Граница между правдой и галлюцинацией стирается окончательно. Если Кристина реальна — почему она не ищет его? Почему её номер мертв? Почему весь мир вокруг, включая умные медицинские приборы и старого друга, хором твердит, что её нет?

Остается всего одна ночь до того, как его сознание окончательно перепишут. Дешевый телефон, спрятанный в кармане куртки в шкафу, кажется последним шансом. Но сил подняться и дойти до него с каждым часом становится всё меньше...

За два месяца до выстрела. Встреча

Ближе к вечеру Кирилл чувствует, что ему жизненно необходимо сбросить напряжение.

— Отвези меня в Серебряный Бор, — бросает он водителю, садясь в машину.

Ему нужно очистить голову, размять затёкшие мышцы и сфокусироваться на будущих шагах. Прибыв на место, Кирилл открывает багажник. Его педантичность проявляется во всём: он аккуратно снимает дорогой итальянский костюм и белоснежную рубашку, бережно вешает их на плечики, убирает в защитный кофр и расправляет на специальной штанге в машине. Туфли от Berluti отправляются в фирменную коробку.

— Николай, можете полтора часа отдыхать, — Кирилл опирается ладонью о крыло машины. — Я прибегу сюда или скину вам геопозицию. В любом случае это будет где-то в пределах парка.

— Хорошо, босс! Удачной пробежки.

— Спасибо. И тебе бы не помешало размяться, Коль. Сидячий образ жизни до добра не доведёт, если ты понимаешь, о чём я, — Кирилл с улыбкой похлопывает водителя по заметно округлившемуся животу, разворачивается и лёгкой трусцой бежит по асфальтированной дорожке в глубь Серебряного Бора.

Он вставляет в уши беспроводные наушники, выбирает в плейлисте агрессивный, качающий рок и прибавляет звук. Энергичные ритмы электрогитары и ударных мгновенно ло-

вят его шаг. Сейчас мир вокруг перестаёт для него существовать — Кирилл полностью погружается в себя. На ходу он раскладывает по полочкам события безумных суток, выстраивая стратегию на месяцы вперёд.

Контракт с господином Чэнем открывает им прямой доступ к бездонному аграрному сектору Азии. Гарантированный импорт элитного длиннозёрного риса — это колоссальный, практически пустой в России рынок. Теперь остаётся замкнуть цепочку: выйти на крупнейшие федеральные торговые сети, отладить трансграничную логистику через свои новые дальневосточные порты и запустить агрессивную маркетинговую кампанию. Объём работы пугает, но этот масштаб пьянит. Оно определённо того стоит. Это ещё один вызов. Кирилл любит ставить перед собой непреодолимые задачи и искать пути решения. Это его наркотик. Его допинг.

Добежав до уединённой спортивной площадки в окружении столетних сосен, Кирилл переходит на шаг. Мышцы разогрелись и требуют предельной нагрузки. Он начинает с разминки, а затем переходит к снарядам: взрывные подтягивания на турнике, глубокие приседания, изнурительный сет на брусьях для пресса и отжимания. В завершение он делает несколько подходов с массивным железом.

Кровь ритмично пульсирует в висках, сердце чётко бьёт в грудную клетку, а лёгкие со звучным свистом то сжимаются, то наполняются живительным сосновым воздухом. Это упоительное, почти инстинктивное ощущение контроля над

собственным телом. Когда мышцы наливаются вязкой усталостью и начинают приятно ныть, Кирилл завершает тренировку.

Кирилл вытаскивает наушники. На обратном пути ему хочется впитать гул подлинного, пульсирующего мира — лучшего противовеса стерильному стеклу Сити нельзя и вообразить.

Парк дышит первоцветным теплом. Мимо, звонко перекликаясь, проносятся две юные спортсменки в облегających спортивных топах. Их упругие силуэты ритмично колеблются в такт бегу. Кирилл невольно облизывает обветренные губы, провожая их долгим взглядом. На изумрудном газоне молодая мать катает с малышом мяч; она бережно повалила хохочущего карапуза на плед и принимается щекотать, отчего тот заливается упоительным смехом. Навстречу двигается седовласая пара: старик трепетно поддерживает жену под локоть, они негромко беседуют и тоже с умилением наблюдают за вознёй на траве.

По выделенным трекам со змеиным шипением шин проносятся гончики на карбоновых байках и юркие электросамокаты. На соседней поляне, расстелив коврики, застыла в замысловатых асанах группа йоги. Кирилл легко обгоняет стайку пенсионеров с палками для скандинавской ходьбы. Вокруг царит природный консилиум: шёпот листвы, детский визг, отдалённый лай и залиvistые, хрустальные трели соловья.

Внезапно эту безмятежную пастораль нарушает резкий, надрывный возглас. Никакой напускной истерики — в этом коротком звуке сквозит застарелая, выстраданная горечь.

Кирилл замедляет бег и оборачивается. На кромке гранитной дорожки застыла девушка. В её бледных, лишённых украшений пальцах сиротливо торчит пустой вафельный конус. Тёмный ком шоколадного пломбира успел прочертить полосу по её молочному трикотажному кардигану и теперь бесформенной массой оседает на разогретом асфальте.

— Чёрт!... — едва слышно, одними губами шепчет она, обращаясь куда-то в пустоту. — Ну почему именно сегодня?

— Вам помочь? — Кирилл делает два сдержанных шага навстречу, интуитивно сохраняя деликатную дистанцию.

Незнакомка вскидывает голову. Из-за хрупкого телосложения и строгого пучка волос её можно ошибочно принять за студентку, но пронизательный, колющий взгляд выдаёт зрелость. В её глазах застыло такое непроницаемое отторжение ко всему внешнему миру, что Кирилл невольно фиксирует шаг.

— Сомневаюсь, что вы способны исправить законы гравитации, — сухо отрезает она, безуспешно пытаясь бумажным платком промокнуть шоколадное пятно, расползающееся на груди.

— Законы гравитации — нет, а вот законы химии — вполне, — Кирилл демонстрирует чистую пластиковую бутылку. — У меня с собой обычная вода. Давайте попробуем намо-

чить и вдруг получится оттереть.

— Спасибо, но это уже не спасти, — выдыхает она, яростно смахнув с бледной щёки одинокую слезу. — Это диагноз. Хроническая растяпа.

Девушка стремительно шагает к чугунной урне, брезгливо швыряет туда пустой конус и обречённо осматривает кофту, глубоко вздыхает:

— Кофта испорчена окончательно. Первая приличная покупка за полгода, и та к чертям...

Кирилл, не привыкший отступать перед чужим сопротивлением, делает шаг вперёд. Действуя деликатно, он аккуратно перехватывает пальцами плотную трикотажную кромку, стараясь не касаться тёплой кожи, и плещет на ткань воду. Аккуратно трёт волокна, пытаясь сбить шоколадный след, но кофейный контур лишь увеличивается в размерах, став мокрым и ещё более приметным.

— Виноват, — Кирилл отступает, пряча бутылку. — Попробовать стоило. Давайте я вас подвезу. Мой автомобиль тут, на ближайшей парковке.

— Нет, спасибо, но я с незнакомцами не сажусь в машины. — девушка устало прижимает ладони к груди, физически обозначая дистанцию. — Просто продолжайте свою пробежку. Мне уже ни чем не поможешь.

Девушка резко разворачивается и стремительным, размашистым шагом припускает по тротуару, скрываясь в тенистых аллеях — подальше от праздных гуляющих и этого

слишком настырного благодетеля. Кирилл остаётся стоять на месте, заинтригованный этой колючей незнакомкой так, как не был уже очень много лет.

Кирилл несколько секунд провожает её взглядом. Что ж, он сделал всё, что диктовали законы химии. Развернувшись, он направляется к выходу из парковой зоны. Лесной кросс и эта забавная девушка отняли около двух часов. Водитель Николай уже мерит шагами асфальт возле матового «Майбаха», сверяясь с наручными часами.

— Всё в порядке, Кирилл Владимирович? — сдержанно осведомляется он, едва заведя шефа.

— Да, Коль, немного выбился из графика.

— Маршрут прежний?

— Да. Домой.

Кирилл утопает в уютном кресле. За двухслойным бронированным стеклом плывёт вечерний мегаполис: вековые сосны Серебряного Бора сменяются монументальным кирпичом сталинских высоток, мелькают неоновые вывески Звенигородского шоссе, россыпь встречных фар и текучая, безликая масса пешеходов.

Он откидывается на мягкий подголовник и ловит себя на поразительном внутреннем сбое: он отчаянно пытается реконструировать облик беглянки. Кирилл напрягает память, но перед мысленным взором расплывается белёсый туман. Какого оттенка её волосы? А разрез глаз? Он не запомнил ничего, кроме тембра — шероховатого, абсолютно чуждого

тем слащавым, искусственным голосам, которыми его обычно атакуют женщины. Этот звук засел в сознании, словно крошечный занозистый осколок.

Экран смартфона настойчиво замигал, рассекая темноту салона едким сиянием.

— Привет, Кирилл, — звучит в динамике ровный, безупречно поставленный голос, в котором угадывается привычка к дорогим ресторанам и закрытым курортам. — Поздравляю с закрытием. Тим обмолвился, что вы закрыли астрономическую маржу по азиатскому договору. Обмоем в закрытом формате?

— Привет, — Кирилл раздражённо выдыхает. — Я выжат. И избавь меня от этого. Я чертовски устал. Еду домой. Спать.

— Кажется, у кого-то эмоциональное выгорание после раунда переговоров, — интонации на том конце провода мгновенно становятся вязкими, паточными. — Нам определённо требуется встретиться, милый. Я знаю парочку проверенных способов восстановить твой внутренний баланс...

— Исключено, не сегодня, — Кирилл чувствует, как под кожей начинает пульсировать острое, колющее раздражение. — Сходи с Тимом в какой-нибудь клуб, раз уж вы на постоянной связи. Он как раз одержим мыслью слить пару миллионов. Составь ему компанию, вы на одной волне.

— Ну зачем ты так, — Снежана делает паузу, и её голос приобретает капризную, дорогую мягкость. — Я планировала уединённый ужин, обсудить наши инвестиции... А после

мы могли бы заглянуть в тот ювелирный дом на Столешникове. Буквально на пять минут. У них закрытый показ новой коллекции, а у меня пустует одна аккуратная ячейка в шкапулке...

— Довольно, Снежана. Пока!

Он прерывает вызов коротким, жёстким свайпом. Кирилл снова смыкает веки, уходя в спасительную изоляцию автомобильного кресла. Вскоре «Майбах» плавно, без единого толчка замирает. Водитель Николай оборачивается через плечо:

— Кирилл Владимирович, прибыли.

— Спасибо, Коль. На сегодня свободен.

Четыре месяца назад. Ужин с мамой в Крокете.

Кирилл приглашает маму на ужин в фешенебельный, обманчиво тихий «Крокет». Она долго отказывается, уверяет, что лучше приготовит ему пышное домашнее пюре с котлетами. Но Кирилл настаивает на встрече именно здесь. Прямо перед этим у него завершается изнурительный раунд переговоров с инвесторами из ОАЭ, и, чтобы выкроить в графике хотя бы час, он вызывает маму в ресторан. Родители как раз приехали на две недели в столицу, вырвавшись из своего заброшенного среди лесов города.

— Сынок, ты заработал уже столько, что пора остановиться и выдохнуть, — негромко говорит мама, накрывая его запястье своей натруженной, бархатистой ладонью. — Твой младший брат Артём уже сделал предложение Катюше, во-

всю готовятся к свадьбе. У Тамары тоже всё серьёзно. Скоро я дожусь внуков, а ты всё один. Неправильно это, сынок. Нельзя измерять жизнь одними цифрами.

— Мама, не переживай, у меня всё под контролем, — Кирилл снисходительно улыбается. — Мне сейчас не нужна невеста, а статус мужа тем более. Я не хочу обязательств. Моя страсть — это работа. Мне нравится конструировать масштабные проекты и доводить их до математической безупречности. Кто-то ведь должен вращать шестерёнки финансового мира, задавать тренды, поднимать экономику страны. Этим я и занят. Не удивлюсь, если через пару лет мне предложат кресло в министерстве финансов. У меня физически нет ресурса на эмоциональные драмы, которые устраивают современные девушки.

— Ладно, не кипятись, родной, — Ксения ласково смотрит в его усталые глаза. — Я ведь просто волнуюсь. Бизнес когда-нибудь прогорит, должности обесценятся. И с чем ты останешься? Неужели ты искренне веришь, будто банковские выписки и глянцевые, легковесные спутницы на одну ночь способны заполнить пустоту? Нет, Кирюша. Любовь — это фундамент всего. Без неё любые достижения рассыпаются в прах. Ведь даже в бизнесе ты держишься на любви — ты горишь своим делом. Пожалуйста, позволь себе стать счастливым. Наверняка где-то ходит та самая, настоящая девушка, с которой тебе станет уютно. Которая разделит твою ношу и станет надёжным тылом.

— Хорошо, мамуль. Я обязательно подумаю, — обещает он, просто чтобы успокоить её. — Возможно, я её просто ещё не встретил...

Дальше обед проходит спокойно, без лишних нравоучений и вопросов. Кирилл провожает маму домой, заглядывает на минутку поздороваться с отцом и снова укатывает в офис. Обещая на прощание, что назавтра вновь встретится и уделит больше времени родным.

Два месяца назад. Вторая встреча

Кирилл размыкает веки и шумно выдыхает, возвращаясь в осязаемую реальность своего безупречно обставленного кабинета. Давнее воспоминание тает, оставив на губах фантомную горечь.

«Та самая... настоящая девушка», — беззвучным эхом отзывается в сознании.

И перед внутренним взором внезапно проступает силуэт девушки из парка: растерянная беглянка, размазанный по кардигану шоколадный пломбир и её шероховатый, ершистый, но пронзительно живой голос. В той колючей незнакомке нет ни грамма удушающей фальши Снежаны, ни капли липкой приторности прочих салонных охотниц. Проходит три дня после встречи. А он никак не может выкинуть из головы этот голос и образ.

В сгущающихся майских сумерках он размеренно бежит по лесной тропе Серебряного Бора. Вдруг впереди Кирилл различает тот самый приметный контур. Девушка медленно

идёт вдоль раскидистых сосен и невпопад напевает строчки из песни, звучащей в её наушниках. Кирилл сбавляет темп, переходя на шаг, и аккуратно, стараясь действовать предсказуемо, сокращает дистанцию. Намеренно громче наступает на гравий, чтобы обозначить своё присутствие, и негромко произносит:

— Добрый вечер!

Девушка не слышит его шагов — музыка в наушниках играет слишком громко. Кирилл ускоряет темп, обходит её по дуге и плавно пересекает тропу чуть впереди, перекрывая траекторию движения, чтобы не испугать её внезапным касанием.

Она реагирует мгновенно, всем телом транслируя опасное, пружинистое сопротивление. В её карих глазах мелькает дикая, оборонительная вспышка, а в вытянутой руке прямо перед лицом Кирилла материализуется газовый баллончик. Палец незнакомки уже замер на пусковом клапане. Ей тридцать лет, но этот выверенный, автоматический жест выдаёт женщину, которая давно научилась защищать свои границы самостоятельно. Между ними застывает монотонная, пульсирующая пауза. Кирилл плавно приподнимает открытые ладони, фиксируя дистанцию и показывая, что полностью контролирует свои действия.

— Спокойно, — Кирилл удерживает ровный, уверенный тон, не сводя взгляда с её замершего пальца. — Оружие можно опустить. Это всего лишь тот самый настырный благодетель.

тель, который три дня назад безуспешно пытался оттереть шоколад от вашего кардигана.

Кристина внимательно всматривается в его лицо. Узнавание происходит за долю секунды. Напряжение в её плечах неохотно, но спадает, и она с коротким, рваным выдохом опускает руку, пряча баллончик в карман спортивной кофты. Затем она стягивает наушники на шею и выдыхает:

— Нельзя так перерезать дорогу. Знаете ли, могу и из баллончика дать.

Музыкальный трек, до этого полностью изолировавший её от парка, мгновенно замолкает, и на Кристину обрушивается реальный мир: шуршание сосен, далёкий детский визг и ровное дыхание стоящего напротив мужчины. Только сейчас она по-настоящему вглядывается в его лицо. Узнавание происходит за долю секунды. Напряжение в её осанке неохотно, но спадает.

— Спокойно, — Кирилл плавно опускает приподнятые ладони, фиксируя комфортную для неё дистанцию. Он мягко улыбается, стараясь сбить градус её оборонительной ярости. Опять повторяет он. — Оружие можно не применять. Это всего лишь тот самый настырный благодетель, который три дня назад устроил локальную катастрофу на вашем кардигане.

Кристина иронично прищуривается, оценивая его маневр. Она прячет баллончик в карман спортивной кофты, но её взгляд остаётся пронизательным и бдительным.

— Выслеживали меня? — прямо спрашивает она.

— Исключено, — Кирилл качает головой. — Обычное совпадение. Сбежал из офиса, чтобы просто проветрить голову после работы. Бег отлично помогает. А вот ты была так увлечена, что вообще ничего вокруг не замечала. Пела ты, конечно, очень громко и... как бы это помягче выразиться...

Кирилл замирает, с улыбкой подбирая слова. Но девушка сама его перебивает:

— Петь я не умею. И что?! Здесь соснам всё равно, я никому не мешаю. И это тоже отличное средство разгрузить мозг после рабочего дня. Люблю я петь, имею право. Зато я отлично рисую. Вот. Талантов много не бывает.

— Кажется, ты слушала «Зверей»? «До скорой встречи»?

— Да. И не только.

— Поразительно... Не ожидал встретить любимые треки своей юности в чужом плейлисте.

— А что тебя удивляет? — Кристина независимо вздёргивает подбородок. — В нынешней попсе слушать совершенно нечего, одна искусственная фальшь. А в этих старых песнях хотя бы живые эмоции есть. Настоящий нерв.

— Ничего не удивляет, наоборот, — его тон становится непривычно мягким. — Я сам их в машине постоянно кручу, когда всё надоедает и хочется смыть с себя этот Сити с его душными графиками и дежурными улыбками. Редкое единодушие для этого города, тебе не кажется?

Девушка забавно фыркает и впервые за всё время открыто

улыбается.

— А почему нет? Считай, что у тебя избирательный музыкальный вкус, — её шероховатый тембр в наступающей тишине парка звучит на удивление гармонично. — Какая песня у тебя в фаворитах?

— Пожалуй, это тупиковый вопрос, — Кирилл на секунду задумывается. — У них идеальное сочетание текста и драйва. Сложно вычленить что-то одно. А у тебя?

— Раньше я фанатела от винтажного отечественного рока, собирала саундтреки к старому кино, а эстетика восьмидесятых — это вообще отдельная религия, — она бодро шагает вперёд по грунтовой дорожке, и Кирилл без колебаний следует за ней. — А сейчас всё подряд слушаю, под настроение. Современная индустрия какая-то одноразовая, штампованная. Встречаются самородки, но в массе своей — конвейер.

Кирилл слушает её и ловит себя на поразительном внутреннем сбое. Ему впервые за долгие годы становится по-настоящему спокойно. Шагая рядом с этой ершистой незнакомкой в густеющих сумерках, он физически ощущает, как растворяется токсичное напряжение прошедшего дня.

— Сегодня ты обошлась без мороженого?

— Да, решила есть его исключительно дома. На моём фронте без перемен, — она весело хмыкает.

Кирилл подстраивается под её неспешный, размеренный ритм.

— Люблю проветрить голову перед сном. Помогает переключиться после изнурительных рабочих будней.

— И в какой сфере ты горишь?

— Финансы. Инвестиции. А ты?

— Какими именно финансами ты занимаешься? — она технично игнорирует встречный вопрос, заставляя его улыбнуться.

— Крупными, — Кирилл невольно усмехается. — Управляю капиталом, работаю с ценными бумагами, фьючерсными контрактами. Тебе это о чём-то говорит?

Они оба даже не фиксируют момент, когда официальное «вы» растворяется в вечернем воздухе. Граница стирается сама собой, без предупреждения.

— Да, представь себе, — девушка понимающе кивает. — Пару лет назад я совершила глупость и попыталась поиграть на бирже. В итоге все мои скромные сбережения испарились в один день. С тех пор я уяснила, что фондовый рынок — это точно не моё. Видимо, как и пение.

Она улыбается. Её карие глаза сияют весенним солнечным блеском, отражая оранжевый закат.

— Знаешь, а ты занятная, — Кирилл наконец-то может отчётливо разглядеть лицо спутницы.

Привлекательное, округлое, с россыпью крошечных веснушек на переносице. Высокие скулы, задорный носик, пронывательные, живые глаза и совершенно обезоруживающая улыбка. Она не имеет ничего общего с теми безупречны-

ми, шаблонными манекенщицами, которые обычно ищут его внимания. В ней нет фальшивого глянца. Хрупкое телосложение, естественная красота. В её мечтательности и какой-то неуловимой воздушности Кирилл вдруг улавливает черты своей мамы на старых чёрно-белых снимках. А ещё никакой брендовой одежды и броского макияжа. Она кажется живой, настоящей.

— И всё-таки, какая индустрия тебя кормит? — с нарастающим любопытством спрашивает он.

— Для таких откровений мы слишком мало знакомы, — она заговорщицки прижимает палец к губам. — Возможно, когда-нибудь потом я приоткрою эту завесу. А пока пусть останется интригой. Увлекаешься детективами про шпионов? Считаю, что мне придётся тебя ликвидировать, если ты начнёшь копать под меня дальше. Понимаешь намёк? — Она смеётся чистым, хрустальным звуком.

Кирилл откровенно любит её. Есть в этой загадочной незнакомке какое-то редкое, почти гипнотическое притяжение.

— Да, я питаю слабость к шпионским картинам, — иронично прищуривается он. — И особенно к их эффектным союзницам. Ты ведь из их числа?

— Не исключено, — туманно протягивает она.

Они ещё долго меряют шагами прохладные парковые маршруты, на ходу пикируясь, споря о культуре и развивая нелепые конспирологические теории. Но вечерний ли-

мит истощивает себя — тропа выводит их к стеклянному павильону метро, и спутница сухо констатирует, что ей пора возвращаться. Кирилл тут же перехватывает смартфон и вопросительно смотрит на неё, готовый вбить контакты.

— Никаких цифр, — она делает предостерегающий жест, пятясь к дверям вестибюля. — Если провидение столкнёт нас в третий раз — я продиктую тебе код доступа. Согласно канонам классического нуара.

Она посылает ему короткий прощальный жест и растворяется в пассажирском потоке у эскалаторов.

Кирилл так и не выясняет её имени. Он медленно бредёт обратно к ожидавшему автомобилю, чувствуя, как его внутренний компас окончательно сбивается с курса. В её загадочной автономии, в этом бегстве без визиток кроется нечто пронзительно живое, лишённое привычных светских схем. Забытое, дикое чувство спортивного азарта снова пульсирует под кожей.

За двухслойным стеклом «Майбаха» вновь вспыхивают агрессивные огни, но теперь этот сверкающий Вавилон кажется Кириллу абсолютно пресным. Настоящая, неочищенная реальность остаётся там, на грунтовых дорожках Серебряного Бора. Финансист ещё не знает, что эта случайная встреча — не просто романтический эпизод. Документы на ликвидацию его бизнеса уже лежат в скрытом сетевом каталоге, а до рокового выстрела, который разнесёт этот иллюзорный мир в щепки, остаётся ровно два месяца. Кирилл

Смолин закрывает глаза, уходя в спасительный сон, пока невидимая петля заговора стягивается на его шее.

Глава 4. Рецидив

*Самое опасное безумие — это начать помнить всё
За десять дней до выстрела*

Этой ночью химия внутри него почти побеждает. Кирилл лежит бревном, не в силах пошевелить даже пальцем. Сознание заволакивает густой, серый туман, в котором окончательно тонут остатки его «я».

И вдруг этот туман с треском рвётся.

Ему снится архив. Тёмный, бесконечный, заставленный высокими стеллажами. Кирилл бредёт по нему, зная, что за углом его ждёт Кристина. Он поворачивает — и снова видит её со спины. Медленно делает шаг, она оборачивается... и вместо её лица он видит злобную ухмылку Тимура. Архив трансформируется офис компании, затем в подпольный бар. Тимур тянет к нему руки, пытается успокоить. Кирилл в ужасе распахивает глаза. Простынь мокрая. Его жутко трясёт. В горле сухо. Постепенно сердечный ритм выравнивается, и Кирилл снова проваливается в знойный сон.

Он лежит на своей террасе. Рядом Кристина. Кирилл поворачивается и видит грустные глаза Кристины. Она смотрит на него в упор и кричит — отчаянно, оглушительно, пробилая всю толщу лекарств в его затуманенном разуме:

— Кирилл! Не верь им! Я здесь! Найди меня!

Кирилл резко вскидывается на кровати. Сердце колотит-

ся в рёбра как бешеное, на лбу выступает ледяной пот. В палате темно и тихо, лишь мерно подмигивает зелёный огонёк медицинского монитора. Но крик всё ещё звенит в его ушах.

Это не галлюцинация. Это его собственная память дала отпор ядам. Она жива. Она реальна. И она в беде. Или....

На шум в палату вбежала дежурная медсестра. Видя перепуганного пациента, она привычным, автоматическим движением ввела седативное в катетер. Кирилл снова провалился в удушливый кошмар, где прошлое и настоящее смешивались в ядовитый коктейль.

Он пришел в себя на рассвете. Тело содрогалось от дикой, крупной дрожи — капельницу ночью отключили, и к утру концентрация психотропного раствора в крови упала. Мозг, избавленный от сонного тумана, включился резко и болезненно.

Кирилл понял: это его «окно ясности». Короткая передышка перед утренним обходом и новой дозой тормозящих препаратов. Его мутило, в висках набатом стучала кровь, но мысли наконец-то стали прозрачными и острыми. Второго шанса у него не будет.

Преодолевая слабость в ватных ногах, Кирилл попросил разрешения выйти в больничный сквер. Санитар — плотный мужчина в штатском — шел поодаль, но не сводил с него глаз. Кирилл размашисто расхаживал по гравийной дорожке, заставляя легкие впитывать сырой утренний воздух. На периферии зрения мигала цель: в 07:15 у персонала была пе-

ресменка, и санитар, расслабившись, крутил в руках личный смартфон.

Кирилл резко схватился за грудь, согнулся пополам и рухнул на траву, симулируя сосудистый криз. Санитар среагировал профессионально: подбежал, упал на колено и потянулся к рации на поясе, чтобы вызвать дежурного реаниматолога. В эту секунду его внимание было полностью приковано к лицу пациента.

Сконцентрировав все остатки воли в онемевших пальцах, Кирилл сделал одно точное, выверенное движение. Он не тронул телефон. Он сорвал с пластиковой цепочки на шее санитара магнитную карту-ключ от ординаторской и мгновенно зажал ее в ладони, подвернув руку под себя.

Спустя минуту Кирилл демонстративно «пришел в себя». Его по-настоящему, мучительно вывернуло желчью прямо на газон. Он тяжело дышал, уверяя подбежавшую сестру, что кризис миновал, и покорно побрел в корпус, ссылаясь на вялость.

У него было ровно пять минут, пока санитар не зашел на пост и не обнаружил пропажу пропуска.

В коридоре отделения царила предрассветная тишина. Медсестра ушла в процедурный кабинет за препаратами. Кирилл бесшумной тенью скользнул к двери ординаторской, приложил украденный пластик к считывателю — замок мягко щелкнул.

На рабочем столе горел монитор компьютера с открытой

базой данных клиники. Кирилл упал на стул. Пальцы плохо слушались, в глазах двоилось — нейролептический блок мешал сосредоточиться, превращая клавиатуру в размытое пятно. Время шло на секунды.

Он заставил себя сконцентрироваться и вбил в строку поиска: «Московские музеи». В поисковике высыпались сотни запросов. Действовать наугад было нельзя, и Кирилл кликнул по ссылке официального реестра, где содержался полный список всех культурных учреждений столицы с прямыми телефонами приемных и реставрационных отделов.

Он быстро нажал комбинацию клавиш печати.

В тишине ординаторской лазерный принтер HP загудел пугающе громко. Раздался щелчок, внутренний вал медленно пошел по кругу, прогревая термоэлемент. Кириллу казалось, что этот гул слышен на всем этаже. Аппарат начал неторопливо, с короткими паузами выплевывать теплые листки.

И в этот момент за дверью раздались шаги. Хрусткие, уверенные удары форменных ботинок по кафелю коридора. Кто-то из дежурной смены возвращался на пост.

Времени не осталось. Кирилл резким движением выдернул первые три листа из лотка, едва не порвав плотную бумагу. На них успела напечататься большая часть центральных и ведомственных музеев. Он аккуратно, стараясь не шуметь, сложил страницы вчетверо и засунул глубоко под тугую резинку больничных штанов, прикрыв плотной тканью футболки. Казенная бумага обожгла кожу своим сухим теп-

лом.

Шаги смogli прямо у створки. Ручка двери дернулась.

Кирилл бесшумно рванулся в сторону, проскользнул за спину открывающейся двери и тенью выскочил в пустой коридор, пока зашедший санитар недоуменно разглядывал гудящий вхолостую принтер.

Он быстро пошел по линолеуму обратно к своей палате. Проходя мимо пустующей стойки ресепшена, Смолин незаметно бросил украденный магнитный пропуск на пол около поста — пусть думают, что дежурный просто выронил его сам.

Замок его палаты мягко щелкнул. Кирилл скользнул внутрь, запрыгнул на кровать и натянул одеяло до самого подбородка, пряча рваное дыхание и лихорадочный стук сердца. Когда спустя минуту дверь открылась для утреннего обхода, он уже лежал неподвижно, надежно спрятав свой единственный билет на волю под казенным матрасом.

Утренний обход закончился ровно в восемь. Медсестра привычным движением протянула Кириллу пластиковый стаканчик с ядовито-желтыми капсулами и дождалась, пока он послушно заглотит их, запив теплой водой. Едва за ней захлопнулась металлическая дверь палаты, Кирилл рванулся к раковине. С трудом сдерживая рвотный позыв, он выплюнул не успевшие раствориться оболочки лекарств, включил воду на полную мощность и тщательно промыл рот.

Кирилл выждал двадцать минут, вслушиваясь в монотон-

ные шаги санитаров за дверью. Все было тихо. Тогда он опустился на колени у кровати, запустил руку под матрас и извлек три сложенных вчетверо листа, которые чудом успел вырвать из больничного принтера.

Из внутреннего кармана куртки в шкафу он тайно выудил свой старый кнопочный аппарат. Телефон грел ладонь, напоминая, что это — его последний шанс.

Кирилл забрался с ногами на кровать, с головой укутался в плотное казенное одеяло и сполз в самый угол, поближе к тумбочке. Внутри этого импровизированного тканевого кокона было душно, пахло стерильной прачечной, а экран телефона слепил глаза.

Он начал обзванивать музеи по списку.

Кирилл говорил шепотом, едва шевеля губами и прижимая динамик к уху так сильно, что пластик хрустел. Он мастерски гасил в голосе одышку, чтобы случайный прохожий в коридоре не заподозрил неладное.

Отказ. Короткие гудки. Не туда попали. Снова отказ. Лист уже превратился в мешанину рваных полос.

На тридцать седьмом звонке трубка наконец отозвалась живым, ленивым женским голосом.

— Здравствуйте. Это приемное отделение тридцать первой городской больницы, — чеканил он, гася тремор пальцев, сжимавших телефон. — Старший ординатор Климов. Мне срочно нужна Смирнова Кристина из реставрационного отдела.

— Смирнова? — лениво отозвался динамик под аккомпанемент стука старых клавиш. — Так её нет на месте. В официальном отпуске она с двадцать пятого июня. А что случилось-то?

Кирилл почувствовал, как сердце сделало мощный, болезненный толчок. Двадцать пятое июня — дата, которую она назвала, ломала сознание. Это было ровно через два дня после его вылета в Астану. Заговорщики убрали её одновременно с его изоляцией.

Воздуха под казенным одеялом критически не хватало, легкие словно одеревенели. Но Кирилл волевым усилием удержал маску. Пора было бить по её скрытым психологическим триггерам:

— Что случилось? — Кирилл профессионально раздраженно выдохнул в трубку. — Слушайте меня внимательно. На неё пришла федеральная квота на экстренную операцию. Очередь, которую она ждала больше года. Госпитализация назначена на завтрашнее утро, но все её мобильные номера отключены. Если мы не подпишем документы в течение часа, квота аннулируется и уйдет следующему по списку. Вы понимаете, что человек останется без медицинской помощи по вашей вине? Мне нужен её домашний адрес из личной карточки. Живо. Отправляйте кого угодно, поезжайте сами, но адрес дайте мне прямо сейчас. Время пошло.

В трубке воцарилась ошарашенная тишина. Ленивая вальяжность музейной сотрудницы испарилась в секунду. Ме-

дицинский прессинг и страх взять на душу чужую смерть сработали безотказно. Кирилл слышал, как её дыхание стало частым, а клавиши старой клавиатуры застучали с панической скоростью.

— Господи... Да подождите вы, доктор, не шумите! — запричитала она, растеряв весь свой казенный апломб. — Я сейчас, сейчас открою архив... Она же тихая девочка, сирота, за неё и заступиться-то некому... Сейчас, Климов, погодите... Вот, нашла! Смирнова Кристина. Записывайте адрес, ради бога, помогите ей...

Она быстро наговорила улицу, номер дома и квартиры в одном из старых спальных районов на окраине столицы. Кирилл, не имея под рукой карандаша, начал ногтем с силой процарапывать заветные цифры прямо по рваным полям музейного листа, оставляя на плотной бумаге глубокие белесые борозды.

— Зафиксировано, — коротко отрезал Кирилл, возвращая голосу ледяную докторскую сухость. — Завтра при оформлении укажу, что данные получены от вас. Спасибо за содействие.

Он сбросил вызов, не дожидаясь ответа. Быстро, пока цифры не рассыпались в голове, Кирилл перенёс адрес в пустые заметки телефона, сохранил их и глубоко, судорожно выдохнул. Сердце колотилось прямо в горло.

Как раз в этот момент в коридоре раздались уверенные, гулкие шаги. Следом донёсся знакомый, мягкий баритон —

голос того самого человека, который ещё вчера так искренне и заботливо убеждал его, что Кристина — это всего лишь плод его утомлённого, выгоревшего воображения.

Тимур пришёл раньше обычного.

Дверь распахнулась. Вместе с санитаром в стерильное пространство палаты вошёл Тимур.

На нём был безупречный, дорогой костюм, лацканы пиджака сидели идеально, а в руках он держал пакет с отборными фруктами и свежей прессой. На его холёном лице застыло выражение глубокой, почти братской скорби, смешанной с неподдельной тревогой. Санитар лишь подозрительно осмотрел растрёпанного, задыхающегося пациента, проверил датчики медицинского монитора, сиротливо пищащие у изголовья, и, буркнув что-то невнятное, ушёл на пост, оставив друзей наедине.

— Кирюха... Ну ты как, брат? — Тимур вальяжно, но бережно опустился на край кушетки, поставив пакет на тумбочку. Он потянулся вперёд и ладонью коснулся лба Кирилла, проверяя температуру. Рука Тимура была странно горячей и влажной. — Слава богу, лицо хоть посвежело. Олег Борисович сказал, что утренний кризис миновал.

Он со вздохом достал из кармана пачку влажных салфеток, аккуратно вытер Кириллу выступивший на лбу холодный пот и принялся заботливо поправлять сбитое, тяжёлое казенное одеяло, тщательно подтыкая края со всех сторон, словно укладывал тяжелобольного ребёнка.

— Ты лежи, не дергайся, — тихо, убаюкивающе журчал Тимур, доставая из пакета крупный мандарин и начиная медленно, методично сдирать с него оранжевую кожуру. — Я тут все дела холдинга на себя перемкнул, юристов приструнил, активы заморозил, чтобы комплаенс тебя не дёргал. О бизнесе вообще не думай. Твоя единственная задача сейчас — выполнять команды врачей и лечить мозг. Я Олега Борисовича за горло взял, он лучших профессоров подключил. Вытащим мы тебя из этого психоза, Киря. Слышишь меня? Снова в строй вернешься, как в старые добрые времена.

Резкий, цитрусовый аромат мандарина мгновенно заполнил стерильную комнату, смешиваясь со сладковатым запахом хлорки и лекарств. Этот контраст показался Кириллу верхом изощрённого кошмара. Он лежал неподвижно под надзором лучшего друга, чувствуя спиной, как под подушкой жестко давит в лопатку спрятанный кусок пластика.

Тимур бережно протянул ему очищенную дольку:

— На, держи витамины. Давай, Кирюха, поправляйся. Ты мне нужен живым и здоровым.

Кирилл послушно взял мандарин, глядя прямо в тёплые, полные сочувствия глаза Тимура. Внутри него всё кричало от ярости, но лицо оставалось пустой, покорной маской. Игра была принята. Ловушка захлопнулась, и теперь, когда у него в кармане был заветный адрес, Кирилл должен был доиграть эту роль образцового сумасшедшего до конца — ровно до наступления темноты.

Тимур облокотился на спинку стула, бросил очистки в пластиковый пакет и устало потёр переносицу. По его поведению было видно: навалившаяся операционка холдинга выжимала из него все соки.

— Я, собственно, чего заскочил пораньше, Кир, — Тимур поднялся, застегнул пуговицу дорогого пиджака и поправил манжеты. — Завтра я к тебе прийти не смогу. И в ближайшие три-четыре дня, скорее всего, тоже. Придётся срочно смотреться во Владивосток.

Он подошёл к окну, рассеянно глядя на блёклое июльское небо за безопасным пластиковым монолитом.

— По нашему флагманскому азиатскому контракту пошла накладка. Дальневосточные порты не справляются с оперированием, терминалы перегружены. Китайцы начинают нервничать из-за риса, требуют личного присутствия кого-то из акционеров. Надо лететь, перепроверять всю логистику на месте, пинать таможеню и смотреть, как идёт работа. Раз уж ты временно выпал из обоймы, полечу сам. Всё улажу по высшему разряду, не переживай.

Тимур вернулся к постели, по-хозяйски, крепко похлопал Кирилла по плечу. Его ладонь снова показалась Смолину липкой и неестественно горячей.

— Ты тут без меня дров не ломай, Олега Борисовича слушайся. Лекарства принимай вовремя. Прилечу — проверю. Всё, Кирюха, давай. Обнимаю.

Он развернулся и быстрыми, уверенными шагами поки-

нул палату.

Кирилл остался в звенящей больничной тишине один. Аромат мандарина всё ещё удушливо висел в воздухе, но слова Тимура запустили в его голове чёткий, гроссмейстерский расчёт. Владивосток. Три дня. Вся охрана клиники, ориентированная на ежедневные визиты Морозова, расслабится. Внимание СБ холдинга ослабнет. Заговорщики уверены, что Смолин надёжно заперт и послушно глотает нейрорептики.

Лучшего катализатора для побега нельзя было и вообразить. Время пришло. Кирилл медленно вытащил изо рта не пережёванную дольку мандарина, швырнул её в раковину и запустил руку под подушку, нащупывая угловатый корпус телефона.

Пульс оглушительно бил в уши. В руках у него была первая настоящая, осязаемая нить к свободе. Но чтобы добраться до этого адреса, ему нужно было совершить невозможное — вырваться из этой охраняемой стеклянной клетки. А пока нужно набраться сил. И Кирилл позволяет себе уснуть. В голове звенящая темнота, ни снов, ни кошмаров. Он слишком устал. Но теперь точно знает, что Кристина – это реальная девушка. Его любимая девушка, которая куда-то пропала..., и он должен во всём разобраться и вернуть свою жизнь обратно. А пока нужен сон...

Кирилл очнулся ближе к полуночи. Палата тонула в бархатном, монохромном полумраке, и лишь сквозь матовую

стеклянную вставку в двери просачивалась тонкая белая нить из коридора, рассекавшая пол ровным флуоресцентным лезвием. Во рту остался металлический, въедливый привкус, а в мышцах застыла парализующая, вязкая неподвижность. Пронесло. Экспериментальные седативные растворы ещё не успели въестись в ткани, а утренняя порция капсул, которую он так расчетливо вытолкнул в раковину, почти полностью вымылась из кровотока. Это был его единственный анатомический зазор. Минутное окно уязвимости системы.

Кирилл осторожно опустил ноги на холодный пол. Коленные суставы отозвались острой, пронзительной ломотой от резкой перемены положения, но хлынувший в вены адреналин уже выжигал остатки медикаментозного плена. Он запустил руку под складки матраса, нащупал незамеченный санитарями кнопочный аппарат и переложил его в карман больничных брюк. Выходить на ночные улицы в бесформенном больничном реглане и тапочках было бессмысленно — первый же патруль срежет его на выходе из больничного сквера. Нужна была его собственная одежда. Его прежняя броня.

Смолин едва заметно приоткрыл дверь палаты и высунул голову наружу.

Бесконечный коридор казался хирургически стерильным, залитым безжалостным, слепящим светом люминесцентных ламп, в котором все предметы теряли объем и казались плос-

кими, вырезанными из картона. Стойка ресепшена пустовала. Медсестра оставила пост — она ушла в глубь ординаторской, откуда доносился монотонный, убаюкивающий бубнёж работающего телевизора. Ночных санитаров тоже не было видно. Персонал элитной клиники пребывал в сонной уверенности: здесь все пациенты отделения сладко дремали под действием сильных седативных препаратов. Дежурные резонно полагали, что в этой хрустальной тишине они тоже могут позволить себе передышку.

Кирилл осторожно дошёл до подсобки, где хранились личные вещи пациентов. На двери тускло поблескивал накладной магнитный замок — современное, бескомпромиссное устройство защиты. Без авторизованного чипа ловить здесь было нечего.

Стараясь не издавать ни звука, Смолин вернулся к ординаторской и заглянул внутрь сквозь приоткрытую створку. Медсестра дремала на кожаном диване, отвернувшись к мерцающему экрану. Из бокового кармана её медицинского халата сиротливо торчала тонкая капроновая веревочка, на конце которой угадывался контур нужной ключ-карты.

Кирилл зашел в комнату. Шаг, еще один. С замирающим дыханием, контролируя каждый миллиметр движения своего непослушного тела, он подкрался к дивану. Воздух в ординаторской казался густым, пропитанным запахом остывшего кофе. Кирилл протянул руку. Его пальцы, всё еще хранившие едва заметный тремор после лекарств с ювелирной

точностью ухватились за край капроновой нити. Он потянул её на себя. Пластиковый прямоугольник скользнул по ткани халата.

Вдруг девушка шумно вздохнула и пошевелилась, переворачиваясь на другой бок.

Кирилл едва успел упасть вниз на пол, занырнув в узкую тень за спинкой дивана. Сердце колотилось в ребра с такой яростью, что, казалось, его стук эхом разносился по комнате, заглушая телевизор. Медсестра поднялась, сонная и дезориентированная, оглядела полутемную ординаторскую. Несколько бесконечных секунд она сидела неподвижно, уставившись остановившимся взглядом в пространство. Решив, что шорох ей просто показался во сне, она глубоко вздохнула и вновь легла на подушку, уходя в дремоту.

Кирилл выждал три минуты, до боли зажав в кулаке отвоеванный пластик. Когда её дыхание снова стало ровным и спокойным, он бесшумной тенью покинул комнату.

Автоматика подсобки сдалась мгновенно, издав короткий электронный писк. Кирилл вошел внутрь, быстро отыскал бокс со своей фамилией и переоделся прямо там, среди стеллажей, сбрасывая с себя постылую казенную пижаму. В свои джинсы, футболку и плотные кроссовки он возвращался, как в родную кожу. Его портмоне с наличными было на месте.

Смолин вышел в коридор, пересек вестибюль и приложил карту к считывателю парадных дверей корпуса. Электромагнитный замок щелкнул, освобождая створки.

Кирилл сделал шаг через порог, и ночная июльская прохлада, напоенная ароматом прибитой дождем пыли и тополиной листвы, буквально обрушилась на него с ног, выжигая из легких остатки больничной химии. Он сделал несколько глубоких, жадных вдохов, пытаясь надышаться этой внезапной свободой. Ноги крупно, неуправляемо дрожали от пережитого напряжения и физического истощения, но обратного пути не было. Впереди его ждал старый спальный район на окраине мегаполиса.

За семь недель до выстрела

Полуденное солнце слепило сквозь панорамное остекление, когда матовый суперкар Тимура, глухо порывивая форсированным мотором, выкатился из подземного паркинга Сити. Идея сорваться за город принадлежала Тимуру — после изнурительного, многочасового аудита дальневосточных филиалов он буквально силой вытащил Кирилла из-за рабочего стола, уверяя, что им обоим жизненно необходимо проветрить головы и переключить регистры сознания перед финальным раундом с Пекином.

Ему действительно казалось, что эта спонтанная поездка — обычное проявление дружеской заботы партнера, с которым они когда-то делили последнюю пачку лапши в каморке на окраине. Они свернули к одному из респектабельных загородных комплексов, где среди тенистых аллей и швейцарского ландшафтного дизайна Сити казался далеким, ненастоящим Вавилоном. Но иллюзия покоя продержалась ровно

до того момента, пока на парковой дорожке у выставочного павильона они едва не задели двух девушек.

— Девушки, простите! Мы ни в коем случае не хотели вас напугать, — весело воскликнул Тимур, выравнивая машину у обочины и глуша двигатель.

— Ничего страшного. Всё в порядке, — вежливо улыбнулась Майя, управляя юбку.

— Красотки, может, составите нам компанию? Повеселимся? — Тимур, вальяжно поправляя дорогие солнцезащитные очки, бросил на них оценивающий взгляд.

— Простите, мы на работе. У нас ещё полно дел, — холодно отрезала девушка.

- Да, ладно. – бросил Тимур.

- Нет, простите, нам пора, - произнесла девушка с черными волнистыми волосами, стянутыми в тугий конский хвост.

Кирилл вышел как раз из машины. Тимур ещё раз оценил девушек и понял, что эти красотки не его уровня, направился к особняку.

- Кир, ты идёшь? Нас ждёт настоящее приключение.

- Сейчас, погоди.

Приятный голос с хрипотой заставил его замереть. Он бросил взгляд на девушку. Провожая глазами хрупкий женский силуэт в молочном трикотажном кардигане, он внезапно замер. В плавном изгибе её плеч, в том, как упрямо она вздернула подбородок, прячась от солнца за стеклами темных очков, было нечто до боли, до судорог знакомое. А затем

легкий майский ветер, дунувший со стороны лесного массива, донес до него едва уловимый, но совершенно отчетливый шлейф спелой земляники и дикой черники. Тот самый пудровый ягодный аромат геля для душа, который засел в его сознании две недели назад.

Внутреннее чутье, дремавшее под броней жесткого бизнеса, сработало как капкан. Кирилл волевым усилием загасил остатки прагматизма и сделал два быстрых шага вперед, на ходу возвращая лицу вышколенную маску топ-менеджера:

— Девушки, еще раз простите моего друга. Мне искренне жаль, что так вышло. Пожалуйста, подождите.

Незнакомка медленно, словно преодолевая внутреннее сопротивление, остановилась у открытой дверцы машины. Тонкой, подрагивающей рукой она сняла солнцезащитные очки и обернулась.

И в эту секунду Кирилл забыл, как дышать.

Его пронзила ослепительная вспышка оцепенения. Из серого, размытого фона загородной парковки выкристаллизовалось её лицо: россыпь крошечных веснушек на переносице, высокие скулы и глубокие, живые карие глаза. Перед ним стояла она. Его загадочная, ершистая беглянка из Серебряного Бора. Финансист, привыкший просчитывать мир на сто ходов вперед, оказался в состоянии полнейшего психологического нокаута. Провидение швырнуло их друг к другу в третий раз, прямо на раскаленный асфальт этой Богом забытой стоянки.

— Вы?! — удивленно и радостно выдохнула она, чувствуя, как щеки мгновенно обдаёт жаром. — Вот так невероятная неожиданность! Из всех возможных мест на планете мы встретились именно здесь. Ах... Вы, наверное, меня даже не помните.

— Нет, ну что вы, почему же? — Кирилл почувствовал, как строгость измотанного переговорщика слетает с него, обнажая мальчишеский, давно похороненный восторг.

Его уставшие от бесконечных мониторов глаза вспыхнули такой искренней радостью, что на лице появилась теплая, обезоруживающая улыбка. Больше он не собирался подчиняться дурацким законам шпионского нуара и отпускать её без улик. Кирилл сделал ещё шаг, сокращая дистанцию до интимного минимума, перехватил свой смартфон и твердо посмотрел ей прямо в зрачки:

— Вы — та самая прекрасная девушка из парка, испачканная шоколадным мороженым. Я прекрасно вас помню. И согласно канонам классического нуара, провидение выполнило свои обязательства. Третья встреча состоялась. Диктуйте свой код доступа и имя. Прямо сейчас.

Кристина несколько секунд смотрела на экран его смартфона, словно колеблясь перед открытой дверью в чужой, пугающе глянцевый мир. На её губах заиграла едва заметная, ироничная улыбка, но былая оборонительная дикость в осанке неохотно, но уступила место трепетному желанию довериться. Она сделала глубокий вдох.

— Кристина, — негромко продиктовала она, и её шероховатый, с легкой хрипотцой голос в сухом воздухе парковки прозвучал на удивление музыкально. — Плюс семь, девять-сот двадцать шесть...

Кирилл лихорадочно, боясь промахнуться мимо виртуальных клавиш, вбивал заветные цифры в пустую простыню телефонной книги. Пальцы действовали с непривычной, ювелирной осторожностью. Каждая цифра казалась ему осязаемой уликой, вырванной у слепого столичного случая.

— Крис, ну быстрее, мы уже график срываем! Водитель ругается! — Майя нетерпеливо высунулась из приоткрытого окна ведомственного автомобиля и требовательно постучала пальцем по часам.

— Да, иду, — Кристина обернулась на подругу, и её черные волнистые локоны рассыпались по плечам.

Она снова перевела взгляд на Кирилла. В её карих глазах, отражавших полуденный зной, на секунду промелькнула странная, затаенная грусть человека, который привык возвращаться в свое тихое, архивное убежище, но сейчас добровольно оставил в чужих руках пароль от своих границ.

— Мне пора. — тихо произнесла она, посылая ему робкий, воздушный прощальный жест.

Дверь машины захлопнулась с плотным, казенным стуком. Неприметный седан плавно тронулся с места, выезжая со стоянки комплекса и увозя её обратно в огромный, циничный город.

Кирилл остался стоять на раскаленном асфальте, безотрывно глядя вслед удаляющемуся автомобилю, пока тот окончательно не растворился за поворотом трассы. Экран телефона в его руке медленно погас. На душе впервые за долгое время было пьяняще, непривычно легко. Смолину нужно было во что бы то ни стало погасить это окрыленное, сумасшедшее состояние на своем лице прежде, чем партнер заметит малейший сбой в системе.

Как же странно и удивительно! Из миллионов уголков огромного мегаполиса судьба столкнула их именно в этом элитном загородном клубе. Все последние дни он упорно бегал по парку, высматривал ее среди сосен, но возвращался ни с чем. А она продолжала сниться ему каждую ночь: звала к себе по имени, протягивала руки, а потом бесследно растворялась в предрассветном тумане.

Он открыл контакты. Проверил только что записанный номер. Сердце предательски екнуло. Не выдержав, Кирилл нажал кнопку вызова. Спустя пару секунд трубка отозвалась её нежным, слегка хрипловатым голосом:

— Алло?

— Привет, это Кирилл.

— Привет, — в её интонации скользнула робкая, но искренняя улыбка. — Быстро ты.

— Не хотел испытывать провидение в четвертый раз, — мягко ответил он. — До вечера?

Кирилл опустил смартфон. На парковке загородного клу-

ба Тимур уже махал ему рукой и громко звал к себе. Но внутри Кирилла больше не было прежней удушающей усталости. Случайная встреча с Кристиной вернула его к жизни.

Он быстро подошел к другу.

— Слушай, Тим, ты тут развлекайся, а я возвращаюсь в Москву. Вспомнил, что нужно перепроверить несколько пунктов по контракту. С Владивостоком намечаются проблемы.

— Кир, ты с ума сошел? Мы только приехали! — Тимур недовольно нахмурился и поправил дорогие солнцезащитные очки. — Тебе нужен отдых от графиков, котировок и этой Сити. Давай оторвемся! Завтра всё сделаешь.

— Если я оторвусь в твоём стиле, завтра у меня будет жуткое похмелье. И я вообще ничего не смогу исправить.

— Так это же круто!

— Нет, Тим, извини. Я домой.

Тимур разочарованно выдохнул. Из окон клубного особняка уже доносились раскаты пьяного смеха и приторная музыка. Скоро здесь начнется очередная грязная оргия с элитными нимфами. Раньше Кирилл безразлично закрывал на это глаза. Теперь его физически воротило от этой доступной, фальшивой роскоши. Ему хотелось дышать. Хотелось уехать как можно дальше от этого гнилого карнавала.

— Эх, брат... А я уже планировал, как следует зажечь. Ну, хотя бы бокал шампанского на дорожку выпей?

— Нет, Тим. Пока.

Кирилл развернулся и поспешил к выезду. Возле шлагбаума как раз притормозило премиальное такси. Он перехватил машину, прыгнул на заднее сиденье и коротко командовал: «В город».

За бронированным стеклом плавно поплыли подмосковные пейзажи. Вся дорога до столицы прошла в волнующих, окрыляющих мыслях о Кристине.

Кристина. Какое красивое, необычное имя. И как удивительно оно подходит к его собственному. Кирилл закрыл глаза и впервые за долгие годы искренне улыбнулся.

Сумерки опустились на столицу незаметно. Устроившись на мягкой траве своей роскошной террасы под первыми июньскими звездами, Кирилл снова набрал её номер. Кристина ответила лишь после пятого гудка, но поздоровалась очень весело и открыто. Грязный мир больших денег с его интригами на миг отступил.

— Привет! Чем занимаешься? Как пролетел день? — тихо спросил он, вслушиваясь в её ровное дыхание.

— Привет! Да в общем-то нормально, — вздохнула Кристина. На заднем плане слышался сухой шелест плотной ватманской бумаги. — Сажу в обнимку с чертежами. Пытаюсь с горем пополам придумать, как спасти особняк. Если честно, я не понимаю нынешних заказчиков. Как можно просто брать и разрушать то, что монументально стоит уже больше двухсот лет? Вместо того чтобы отреставрировать историческое наследие, этот Аркадий жаждет заменить всё без-

ликим пластиком. Какой-то очень странный владелец.

Кирилл снисходительно улыбнулся, глядя на огни ночной набережной внизу. Аркадий был крупным подрядчиком, понимавшим только язык выгоды, но для Кирилла это больше не было препятствием.

— Хочешь, я с ним поговорю?

— Да, было бы неплохо. Если ты его, конечно, знаешь.

— Ну, лично — не очень, — Кирилл поправил беспроводной наушник. — Вообще-то мой партнер с ним ближе знаком. Это он притащил меня в тот клуб год назад. Но рычаги найдутся, не переживай. А ты, значит, архитектор? Или реставратор?

— Ну, не совсем, — Кристина замялась. На том конце провода снова послышалось тихое шуршание бумаги. — Я училась на дизайнера-архитектора. Диплом получила, несколько лет честно отработала по специальности. Но быстро разочаровалась. И вот сейчас, как ты помнишь, я на секретной шпионской миссии. Вообще я очень странная, Кирилл. Хочу сразу тебя честно предостеречь. Чтобы потом без сюрпризов.

Она сделала короткую паузу, подбирая слова. В трубке было слышно её прерывистое дыхание.

— У меня в жизни всё абсолютно наоборот. Совсем не как у обычных, нормальных людей. Странные увлечения, сложный путь, свои специфические ценности и безумные мечты. Вот так. Я совсем не похожа на тех девушек с картинок, с

которыми такие парни, как ты, обычно имеют дела.

Кирилл тепло улыбнулся, глядя в бездонное ночное небо над Москвой-рекой. Его азартный ум инвестора мгновенно принял этот вызов. Ему не нужны были шаблонные куклы из элитных клубов. Ему нужна была именно она — колючая, настоящая.

— Что ж, Кристина... А я с самого детства больше всего на свете люблю разгадывать сложные тайны. И решать невыполнимые головоломки. Так что считай, что я согласен.

Они проболтали целый час обо всем на свете. О любимой еде, былых путешествиях, планах и капризах переменчивой московской погоды. В самом конце разговора Кирилл, затаив дыхание, заикнулся о полноценной встрече. Назначил первое настоящее свидание. Кристина согласилась.

Оба были невероятно счастливы и категорически не хотели прощаться. Но стрелки часов уже безжалостно показывали половину двенадцатого ночи.

Поэтому, в шутку досчитав до трех, они одновременно нажали отбой и легли спать.

Глава 5. Код сброса

Когда фальшивое прошлое осыпается пеплом, удушающая ярость становится твоей единственной реальностью.

За девять дней до выстрела

Кирилл идет по гравийной дорожке больничного сквера. Козырек украденной кепки плотно надвинут на глаза. Руки глубоко засунуты в карманы джинсов. Каждый шаг дается с трудом. Мышцы голени сводит парализующей слабостью, но Смолин держит спину ровно. Он полностью контролирует свое тело. Ошибиться сейчас нельзя.

Впереди угадывается массивный силуэт центральной проходной. Зеркальные стекла КПП тускло блестят в предрасветных июльских сумерках. Внутри горит блеклый свет люминесцентной лампы. Кирилл видит через стекло дежурного охранника. Тот сидит спиной к окну, лениво перелистывая журнал на столе.

Внутренний компас инвестора просчитывает траекторию за доли секунды. Бежать, прятаться в кустах или искать дыры в бетонном заборе — значит гарантированно выдать себя. Охрана элитных клиник натренирована вычислять суету. Его главный камуфляж — это абсолютная, железобетонная уверенность VIP-клиента.

Смолин не замедляет ход. Он приближается к вертушке

турникета. Пальцы в кармане нащупывают пластиковый прямоугольник ключ-карты медсестры.

Пульс бешено стучит в висках, но лицо остается каменной, непроницаемой маской.

Кирилл резко выдергивает руку из кармана. Точным, заученным движением прикладывает карту к считывателю. Электроника отзывается коротким, пищащим сигналом. Загорается зеленый индикатор. Металлическая штанга турникета мягко поддается под его нажимом и проворачивается.

Дежурный на КПП вздрагивает от звука, но оборачивается слишком поздно. Кирилл уже пересекает линию контроля. Охранник видит лишь удаляющуюся спину в темной футболке и кепке. В предрассветной полутьме он принимает его за техника из хозблока, который вышел на перекур.

Тяжелая железная калитка проходной со скрипом закрывается за спиной Кирилла.

Свобода. Ночная июльская прохлада, напоенная ароматом прибитой дождем тополиной листвы, буквально обрушивается на него. Лёгкие, привыкшие к стерильному больничному воздуху, жадно впитывают этот сырой утренний зной. Кирилла мгновенно накрывает волна крупной, неуправляемой дрожи — синдром отмены препаратов дает о себе знать с новой силой. Колени подкашиваются.

Преодолевая дурноту, Кирилл ускоряет шаг. Он сворачивает в первый же переулок, уходя подальше от камер видеонаблюдения клиники. Путь к старому спальному району

Кристины открыт.

На часах едва перевалило за два. Надеяться на метро бессмысленно — подземка откроется только через три с половиной часа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.